

ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ

Д. МЕРЕЖКОВСКАГО

МАРКЪ АВРЕЛІЙ
*
ПЛИНІЙ МЛАДШІЙ

3-е издание

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА
1907

Цѣна 30 коп.

Того же автора:

- Вѣчные спутники.* Акрополь. — „Дафнисъ и Хлоя“. Изд. 3-е. 1907 г. 40 к.
- „ Ибсень. Изд. 3-е. 1907 г. 30 к.
- „ Пушкинъ. Изд. 3-е. 1906 г. 40 к.
- Смерть боговъ* (Юлианъ Отступникъ). Первая часть трилогіи „Христосъ и Антихристъ“. Изд. 3-е. 1906 г. 2 р.
- Воскресшіе боги* (Леонардо да-Винчи). Вторая часть трилогіи. Изд. 3-е. 1907 г. 3 р. 50 к.
- Антихристъ* (Петръ и Алексѣй). Третья часть трилогіи. Изд. 2-е. 1907 г. 3 р.
- Трилогія „Христосъ и Антихристъ“.* Первое дешевое изданіе всѣхъ трехъ частей: 1) Смерть боговъ. Спб. 1906 г. 1 р. 25 к.—2) Воскресшіе боги. Спб. 1906 г. 2 р. 50 к.—3) Антихристъ. Спб. 1906 г. 2 р.
- Л. Толстой и Достоевскій.* Т. I. Жизнь и творчество. 3-е изд. 1903 г. 2 р. — Т. II. Религія. 2-е изд. 1903 г. 3 р.
- Грядущій Хамъ.* I. Грядущій Хамъ. — Чеховъ и Горькій. Спб. 1906 г. 1 р.
- Дафнисъ и Хлоя.* Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-е изд. 1904 г. 1 р. 25 к.
- Любовь сильнѣе смерти.* Итальянскія новеллы XV в. 2-е изд. 1904 г. 1 р. 25 к.
- Пророкъ русской революціи.* Къ юбилею Достоевскаго. Спб. 1906 г. 1 р. 25 к.
- Трагедіи* Эсхила, Софокла, Эврипида. Переводъ съ греческаго, въ стихахъ.

ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ

Д. МЕРЕЖКОВСКАГО

МАРКЪ АВРЕЛІЙ

*

ПЛИНІЙ МЛАДШІЙ

3-е ИЗДАНИЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА
1907

Акц. Общ. Типогр. Д-ла вь СПб. (Герольдъ)
Вознесенскій пр. 8.

МАРҚЪ АВРЕЛІЙ

882-4=82

Передо мною послѣдній томъ громаднаго историческаго изслѣдованія Ренана — книга озаглавленная: «Marc Aurèle et la fin du monde antique». Это одно изъ самыхъ блестящихъ и характерныхъ созданий его гения.

Сантиментальный и чувственный культъ художественнаго католицизма, несмотря на отреченіе отъ него Ренана, оставилъ въ немъ неизгладимые слѣды. Эпохи мистическаго созерцанія ему болѣе симпатичны и доступны, чѣмъ эпохи сильнаго религіознаго творчества и борьбы. Темпераментъ писателя лучше всего узнается по стилю. Въ этомъ отношеніи Ренавъ — полная противоположность Тэну. Языкъ Тэна стремится къ чрезмѣрному изобилію образовъ, къ роскоши и силѣ. Онъ не чуждъ пестроты, гиперболы и преувеличеній. Тэвъ подражаетъ колориту Рубенса, котораго онъ любитъ. Таковъ характеръ его творчества. Тэвъ по преимуществу описываетъ эпохи крайняго напряженія воли, сосредоточеннаго драматизма и дѣйствія — революцію, Возрожденіе съ его великими характерами и борьбою страстей. Онъ любитъ изображать темпераменты цѣльные, съ избыткомъ жизненной силы и воли, какъ Свифтъ, Рубенсъ, Бетховень, Наполеонъ.

Стиль Ренана прежде всего удивляетъ простотою. Онъ напоминаетъ древнихъ благороднымъ изяществомъ,

чуждымъ всѣхъ украшеній. Въ концѣ концовъ сила въ языкѣ Тэна переходитъ въ напряженіе, а напряженіе утомляетъ и дѣлается однообразнымъ: если долго всматриваешься въ образы Тэна, яркость начинаетъ казаться пестротою, и этотъ слишкомъ красивый языкъ, уснащенный романтическими контрастами и образами, можетъ наконецъ пресытить читателя, какъ слишкомъ пряное блюдо. Ренанъ никогда не пресыщаетъ. Въ его легкомъ классически-прозрачномъ стилѣ есть спокойная грація. Безъ толчковъ, безъ сотрясеній, онъ подымаетъ насъ незамѣтными переходами, какъ будто по волнообразнымъ холмамъ, на недостижимую высоту, съ которой обрывистыя вершины романтическаго вдохновенія кажутся небольшими возвышенностями. Мы понимаемъ, что въ писателѣ спокойствіе столь-же драгоценно, какъ сила: великая тишина — такой же признакъ генія, какъ и великое волненіе. Ренанъ пересталъ быть священникомъ, но онъ остался pontifex maximus Невѣдомаго Бога. Если онъ и снялъ рясу, то все-таки считаетъ неприличными слишкомъ рѣзкія и быстрыя движенія: по его тихой, торжественной манерѣ вы можете узнать человѣка, привыкшаго священнодѣйствовать. Иногда въ этомъ спокойномъ, глубокомъ стилѣ современнаго парижскаго скептика слышатся далекіе отголоски органа, тихіе церковные напѣвы, залетѣвшіе откуда-то изъ-подъ сводовъ католическаго собора.

Темпераментъ Ренана прежде всего аристократическій. Вотъ что препятствуетъ ему проникнуть въ психологію массовыхъ движеній: Ренанъ безсознательно боится толпы, и тѣмъ болѣе взволнованной, фанатической толпы; какъ бы онъ ни изучалъ ее, она останется ему навѣки чуждой. Онъ не терпитъ ничего рѣзкаго и порывистаго. Чрезмѣрная сила страсти кажется ему грубой и оскорбительной; онъ отворачивается отъ нея,

также какъ отъ чрезмѣрной силы вѣры, на которую, впрочемъ, смотритъ рѣдко съ негодованіемъ, какъ на фанатизмъ, — чаще съ грустной снисходительной улыбкой, какъ врачъ на проявленіе хорошо извѣстной ему болѣзни. Онъ не выноситъ слишкомъ громкихъ криковъ — ни священнаго экстаза, ни гнѣвной толпы, ни предсмертныхъ страданій. Онъ набрасываетъ на агонію своихъ мучениковъ успокоительную дымку; они умираютъ у него спокойно и красиво: невольно кажется, что въ дѣйствительности было страшнѣе. Онъ придаетъ ихъ послѣднимъ минутамъ не болѣе трагизма и ужаса, чѣмъ могутъ вынести нервы современной свѣтской женщины. И къ этому побуждаетъ его не только аристократизмъ темперамента, но и то внѣшнее благолѣпіе, которое соблюдаютъ жрецы всѣхъ временъ и всѣхъ вѣрованій, даже жрецы невѣрія.

Эпоха, описанная въ «Маркѣ Авреліи», — отъ шестидесятыхъ до восьмидесятыхъ годовъ второго вѣка, — въ высшей степени доступна проникновенію Ренана, благодаря свойствамъ его темперамента. Это — по преимуществу эпоха философскаго созерцанія, а не народнаго творчества; аристократической мудрости, а не бурныхъ массовыхъ движеній; внутренней жизни, а не внѣшняго дѣйствія. Кончились пять актовъ всемірной трагедіи христіанства, продолжавшейся отъ царствования Тиверія до смерти Антонина. Подъемъ чело-вѣческаго духа, создавшій новую религію, начиналъ ослабѣвать; геній народовъ, утомленный творчествомъ, стремился къ отдыху. Свободныя вѣрованія сердца люди снова записывали на скрижали догматовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, трагедія дома Цезарей завершилась яснымъ вѣкомъ — какъ будто тихимъ закатомъ послѣ бурнаго дня — вѣкомъ Траяна, Адриана и Антониновъ. Въ грядущемъ предстояли послѣднія бури, послѣдняя борьба

язычества съ христіанствомъ, античнаго міра съ варварами. Эпоха Марка Аврелія — недолгій перерывъ, глубокое затишье между двумя бурями. Бываютъ осенніе дни, когда лѣтнія грозы прошли, а позднія ненастья еще не наступили — когда въ туманномъ воздухѣ, въ мягкомъ блѣдномъ свѣтѣ солнца царитъ усталость, нѣжная грусть и успокоеніе, какъ будто примиреніе со смертью...

Такой осенній день въ исторіи — вѣкъ императора Марка Аврелія. Повидимому, всюду распространяются блага римской цивилизаціи — «*paх Romana*», и, вмѣстѣ съ нею, внѣшнее счастье, просвѣщеніе и матеріальное довольство. Народы благодарны императору, всѣ его любятъ, ничто не угрожаетъ внутреннему процвѣтанію государства. Люди не знаютъ, на что жаловаться, а между тѣмъ чувствуютъ необъяснимую, съ каждымъ днемъ возрастающую тревогу и утомленіе. Надъ этимъ культурнымъ обществомъ, завершившимъ циклъ развитія и достигшимъ зрѣлости, вѣетъ предчувствіе смерти. И мудрость великаго Цезаря сіяетъ надъ міромъ, обреченнымъ на гибель, какъ позднее солнце осени, никого не утѣшая и не радуя.

Настроеніе эпохи Марка Аврелія соотвѣтствуетъ настроенію конца нашего вѣка. То же внѣшнее благосостояніе и внутренняя тревога, тотъ же скептицизмъ и жажда вѣры, та же грусть и утомленіе. Ренану стоило только оглянуться на современное общество, чтобы замѣтить тысячи аналогій, посредствомъ которыхъ онъ умѣетъ придавать разсказу о далекомъ прошломъ столько жизни и художественной правды. Быть можетъ, нѣтъ въ исторіи ничего трогательнѣе, чѣмъ тяготѣніе другъ къ другу, безкорыстная духовная связь, соединяющая мыслителей, раздѣленныхъ вѣками. Въ самомъ дѣлѣ, Ренанъ любитъ Марка Аврелія, какъ человѣкъ

любить человѣка родного ему по духу. Что же это за таинственное духовное сродство современнаго скептика съ римскимъ императоромъ второго вѣка?.. Вотъ съ какимъ благоговѣніемъ и нѣжностью говоритъ Ренанъ о культѣ, который воздавали Марку Аврелію послѣ его смерти («*numen Antoninum*»):

«Никогда культъ не былъ болѣе законнымъ, и въ настоящее время мы его раздѣляемъ. О да, мы всѣ готовы скорбѣть о Маркѣ Авреліи, какъ будто вчера еще онъ умеръ. Вмѣстѣ съ нимъ царствовала философія. Благодаря ему, міръ одно мгновеніе былъ управляемъ лучшимъ и величайшимъ человѣкомъ времени. Во всякомъ случаѣ важно, что опытъ былъ сдѣланъ. Будетъ ли онъ повторенъ? Воцарится ли въ свою очередь современная философія, какъ древняя? Найдеть ли она своего Марка Аврелія, окруженнаго Фронтами и Юніями Рустиками? Правленіе человѣческими дѣлами будетъ ли еще разъ принадлежать мудрѣйшимъ? Впрочемъ, не все ли равно? Это царство не могло бы продлиться больше одного дня, и, безъ сомнѣнія, еще разъ за нимъ послѣдовало бы царство безумцевъ. Привыкнувъ съ улыбкой созерцать вѣчную смѣну человѣческихъ иллюзій, современная философія слишкомъ хорошо постигла законъ мимолетныхъ увлеченій толпы».

Отъ послѣднихъ строкъ вѣетъ безнадежнымъ холодомъ, который всегда таится въ душѣ Ренана даже въ порывахъ любви и нѣжности. Онъ чувствуетъ себя такимъ же одинокимъ въ современномъ обществѣ, какъ Маркъ Аврелій въ Римѣ второго вѣка. Неутолимая скорбь, одиночество, презрѣніе къ современникамъ и мистическая вѣра безъ догматовъ связываетъ такихъ людей, какъ Ренанъ и Маркъ Аврелій, черезъ всѣ вѣка, культуры и религіи. Они узнаютъ другъ друга и заключаютъ союзъ.

II

Взглянувъ на древніе бюсты Антонина — на это печальное, кроткое, почти христіанское лицо, понимаешь, что народы недаромъ называли его *Pius*, что въ самомъ дѣлѣ святой императоръ былъ добрымъ гениемъ человѣчества. Въ семьѣ Антониновъ, въ которой воспитывался Маркъ Аврелій, мудрость и добродѣтели были наслѣдственными. Владычество Нервы, Траяна, Адриана и Антонина, проникнутое философскимъ и республиканскимъ духомъ, не имѣло ничего общаго ни съ грубымъ унизительнымъ деспотизмомъ востока, ни съ преувеличеннымъ ребяческимъ благоговѣніемъ передъ правомъ крови, царившимъ въ средніе вѣка. Власть императора при Антонинахъ превратилась въ родъ гражданской великой службы — безъ риторичности величія, безъ пышности. Въ этомъ домѣ ненавидѣли самое воспоминаніе о прежнихъ великолѣпныхъ, развратныхъ и жестокихъ цезаряхъ. Ни блеска, ни страха, ни благоговѣнія, — властью спокойно обладали и равнодушно дѣлили ее между собою, заботясь о пользѣ государства. Тайственный ореолъ, окружавшій тронъ, померкъ въ глазахъ цезарей скептиковъ и философовъ. Въ такой средѣ выросъ Маркъ Аврелій. Адрианъ замѣтилъ этого тихаго, печальнаго ребенка, когда ему было еще восемь лѣтъ, и полюбилъ его. Въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ Маркъ спокойно ждалъ власти. И вотъ когда однажды вечеромъ Антонинъ въ своей виллѣ Лоріумъ, почувствовалъ приближеніе смерти, велѣлъ, по обычаю, перенести въ комнату наслѣдника золотую статую богини Счастія, Маркъ остался такимъ же спокойнымъ и грустнымъ, какъ прежде. Проникновеніемъ философа онъ постигъ ничтожество всѣхъ радостей и полный кроткимъ, но глубокимъ разочаро-

ваніемъ въ людяхъ и въ жизни ничего не ждалъ отъ власти.

Его юность протекла среди сельской природы; подъ наблюденіемъ Фронтонна онъ занимался изученіемъ латинской риторичности. Однажды философъ Юній Рустикъ далъ Марку изъ своего книгохранилища «Разговоры» Эпиктета. Эта книга сдѣлала его стойкомъ.

Философія требовала умерщвленія плоти: она походила въ то время на суровый монастырскій уставъ. Съ двѣнадцати лѣтъ царственный отрокъ одѣлъ грубый плащъ философа, привыкъ спать на голыхъ доскахъ и исполнять другія требованія стоическаго воздержанія. Мать должна была просить и настаивать, чтобы онъ покрылъ свое жесткое ложе звѣриной шкурой. Отъ этой жизни нѣсколько разъ страдало его здоровье. Время онъ раздѣлялъ на строго опредѣленные часы работы и созерцанія, какъ монахъ. Внѣшностью походилъ на своихъ учителей: простая скромная одежда, небрежная прическа, истощенное тѣло, глаза утомленные работой. Вопросы долга и нравственности были единственными, которые волновали и захватывали всю его душу. Но ему недоставало — какъ выражается историкъ — поцѣлуя феи при рожденіи, той стороны мудрости, которая учить, что нельзя сводить жизнь на воздержаніе, на стоическія «*abstine et sustine*», что въ мірѣ есть, кромѣ долга, и радость, и смѣхъ, и солнечный свѣтъ, дарованный намъ самими богами.

Отъ философскаго педантизма и сухости его спасали неизсякаемая доброта и мягкость души. Встрѣчая пороки людей, онъ говорилъ: «таковъ порядокъ природы — такіе люди по необходимости должны такъ дѣйствовать. Желать, чтобы было иначе, это все равно, что желать, чтобы фиговое дерево давало не свои плоды».

Народъ его боготворилъ, несмотря на то, что императоръ не дѣлалъ черни ни малѣйшихъ уступокъ, никогда не искалъ ложной популярности.

Еще со времени Адриана возвышенные принципы стоической философіи начинаютъ проникать въ римское право. Съ царствованія Антонина и Марка Аврелія кроткіе законы окончательной сломили суровый духъ древняго римскаго законодательства и превратили его въ кодексъ, который впоследствии могъ быть принятъ, какъ основаніе для законовъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ.

Завѣтнымъ желаніемъ императора было полное уничтоженіе кровавыхъ зрѣлищъ цирка, уже давно возмущавшихъ нравственное чувство лучшихъ людей эпохи. Но народъ слишкомъ любилъ эти игры. Когда Маркъ Аврелій вооружилъ гладиаторовъ во время войны съ германцами, произошло чуть не возстаніе. Историкъ Капитолинъ разсказываетъ, что толпа кричала: «онъ хочетъ отнять наши забавы, чтобы заставить насъ философствовать!»

Но между тѣмъ, какъ въ шумномъ амфитеатрѣ радостные крики народа привѣтствовали смерть гладиаторовъ, въ тишинѣ кабинетовъ юрисконсульты работали надъ новыми законами, воздвигая то вѣковѣчное зданіе римскаго права, которое впоследствии способствовало уничтоженію рабства. Близился день, когда Ульпіанъ долженъ былъ написать великія слова, неизгладимыя въ памяти народовъ: «по естественному праву всѣ люди рождаются свободными и равными».

Тогда начинается то, что Ренанъ назвалъ «царствомъ философовъ». Маркъ Аврелій стремится къ идеалу Платона. Мудрецы окружаютъ императора. Его бывшіе учителя дѣлаются министрами и государственными людьми. Въ прежнее время консульская

власть была исключительной привилегіей древнихъ аристократическихъ фамилій; теперь консулами дѣлаются по очереди философы — Атикъ, Фронтонъ, Юній Рустикъ, Клавдій Северъ, Прокль. Императоръ расточаетъ имъ неслыханныя почести; привѣтствуя передъ народомъ, обнимаетъ, воздвигаетъ статуи, и послѣ смерти приноситъ жертвы на ихъ могилахъ. Со всѣхъ концовъ міра стекаются къ нему знаменитые мыслители. Онъ основываетъ новыя кафедры въ Аѳонахъ, и, безъ двора, безъ свиты, смѣшивается съ толпою философовъ на улицахъ Александріи. Онъ смотритъ на нихъ, какъ на братьевъ, съ которыми слѣдуетъ дѣлить власть. Въ то время философія еще не успѣла выродиться, какъ въ эпоху римскаго упадка, когда, по свидѣтельству одной мозаики временъ императора Гонорія, единственная обязанность философа заключалась въ томъ, чтобы держать зонтикъ надъ госпожей и прогуливать ея комнатную собачку. При Маркѣ Авреліи философія дѣлается почти религіознымъ культомъ. У нея свои пророки, миссіонеры, исповѣдники и казуисты. Знатныя особы держали при себѣ домашняго философа. Образовалась профессія мудреца: для нея надо было обладать представительной вѣшностью, красивой бородой, умѣньемъ съ достоинствомъ носить широкую тогу. Говорять, Румеллій Плавтъ имѣлъ при своей особѣ двухъ докторовъ мудрости — Церана и Музонія, — одного грека, другого этруска: ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы наставленіями освободить душу вельможи отъ страха смерти. Какъ въ наши дни передъ кончиной призываютъ священника, такъ тогда призывали мудреца. Тразеа умираетъ, напутствуемый циникомъ Деметріемъ. Канъ Юлій шествуетъ на казнь, сопровождаемый «своимъ философомъ». Такимъ образомъ, параллельно съ христиан-

скою проповѣдью, начинается настоящая языческая проповѣдь философіи. Діонъ Хризостомъ, Теагенъ въ Римѣ превращаютъ политеизмъ въ своеобразную, почти мистическую доктрину. Максимъ Тирскій въ «Проповѣдяхъ» уже монотеистъ — смотритъ на образы языческихъ боговъ, какъ на символы необходимые для чело-вѣческой слабости, и вѣритъ въ единого Бога.

Философы, какъ впоследствии иезуиты, болѣе всего стремятся овладѣть совѣстью государей. Они въ этомъ исполнѣ успѣваютъ, дѣлаются неразлучными друзьями императора: мудрецъ — его *comes*, онъ состоитъ у государя какъ бы на службѣ и получаетъ определенное жалованье.

Мечта Сенеки и Платона, повидимому, исполняется: на землѣ водворилось донинѣ небывалое царство философовъ.

Маркъ Аврелій, обладая необычайной самоотверженностью и безграничной властью римскаго цезаря, преслѣдуетъ задачу счастья и справедливости на землѣ такъ рѣшительно, упорно и страстно, какъ до тѣхъ поръ еще никто не преслѣдовалъ этой цѣли. Достигъ ли онъ чего-нибудь?.. Въ томъ отвѣтѣ, который приходится дать, обнаруживается вся иронія чело-вѣческихъ судебъ.

Варвары перешли черезъ Дунай. Движеніе началось издалека. Вся масса германцевъ и славянъ сдвинулась и заколебалась. Римскіе легіоны не выдержали этого страшнаго толчка и отступили. По всей Италіи распространилась паника. Началось великое движеніе народовъ, которое должно было окончиться смертью римской имперіи. Говорили, что со времени пуническихъ войнъ государство еще ни разу не подвергалось такой опасности. Къ войнѣ присоединилась моровая язва.

Маркъ Аврелій, какъ философъ, ненавидѣлъ войну. Военные подвиги казались ему бессмысленными или преступными. Онъ пишетъ въ дневникѣ: «паукъ гордится, поймавъ муху; тотъ — поймавъ зайца; другой — сардинокъ; третій — кабановъ; четвертый — медвѣдей; пятый — сарматскихъ воиновъ. Съ точки зрѣнія принципа, всѣ — разбойники».

Понимая нелѣпность войны, онъ изъ чувства долга сдѣлался великимъ полководцемъ. Онъ защищалъ римскую цивилизацію противъ стихійной, дикой силы варваровъ. Чтобы имѣть больше денегъ для войны, императоръ продавалъ драгоценную мебель изъ дворцовъ; вооружилъ гладиаторовъ, рабовъ, *диогмитовъ* (полицейскихъ чиновниковъ), даже разбойниковъ.

Отнынѣ царственный философъ долженъ былъ проводить почти всю жизнь на берегахъ Дуная и Грана, на дикихъ унылыхъ равнинахъ Венгріи, въ полуварварскихъ городахъ Карпонтъ и Сирмійумъ. Онъ испытывалъ безпредѣльное отвращеніе къ войнѣ и скуку, но побѣждалъ себя и велъ эту однообразную, безконечную кампанію противъ квадовъ и маркомановъ терпѣливо, медленно и успѣшно. Армія его любила. Съ дикими варварами онъ обращался, какъ истинный философъ, уважая и въ нихъ чело-вѣческое достоинство. Весь день онъ проводилъ среди военныхъ упражненій въ лагерѣ и только вечеромъ, когда шумъ оружія, звуки трубъ и военной команды затихали, одинокій и печальный, уходилъ въ свою походную палатку, чтобы, наконецъ, успокоиться, подумать о бесполезности борьбы, которую онъ ведетъ, и, засвѣтивъ лампаду философа, почитать любимую книгу Эпиктета или записать какую-нибудь мысль въ свой дневникъ. Въ такія грустныя, безсонныя ночи, когда уже солдаты спали, и въ лагерѣ воцарялась глубокая тишина, прерываемая

только сигналами часовыхъ, императоръ, должно быть, выходилъ изъ своего шатра, смотрѣлъ задумчиво на звѣздное сѣверное небо, и ему являлась мысль, которую я нахожу въ его дневникѣ:

«Пиеагорейцы предписываютъ подымать на зарѣ наши взоры къ свѣтиламъ небеснымъ, чтобы напомнить себѣ объ этихъ существахъ, стремящихся вѣчно по тѣмъ же законамъ, вѣчно по тому же пути, чтобы напомнить себѣ объ ихъ порядкѣ, безупречной ясности и наготѣ, такъ какъ они являются намъ безъ покрововъ». Императоръ хотѣлъ, чтобы душа его была во всемъ подобна этимъ существамъ — такою же свѣтлою, простою и чуждою всѣхъ тайнъ передъ людьми.

Ему уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Приближалась преждевременная старость. Онъ умертвилъ въ себѣ личную жизнь, всѣ желанія, и, повидимому, достигъ покоя. Но судьба готовила новыя испытанія.

Авидій Кассій, умный и образованный человѣкъ, когда-то любившій Марка Аврелія, былъ убѣжденъ, какъ римлянинъ старыхъ традицій, что греческая философія въ дѣлахъ правленія можетъ только повредить государству. Онъ называлъ императора «добрый, философской женщиной». Часть римскаго общества и даже народа сочувствовали ему. Философія, наконецъ, всѣхъ утомила. Высокихъ цѣлей не понимали, а видѣли, что циники, эти грубые люди — *псы*, какъ они сами себя называли, съ огромными палками, запущенной бородой, мѣшками, въ изодранныхъ грязныхъ плащахъ, буйствуютъ на большихъ дорогахъ и площадяхъ, считая себя въ виду покровительства императора, неотвѣтственными передъ закономъ. Чернь смѣялась надъ знаменитыми учителями философіи: «за его длинную бороду ему платятъ жалованье въ десять тысячъ сестерцій; что же? надо бы платить жалованье и

козламъ!» Нищіе, бѣглые рабы, лѣнныя ремесленники, плохіе актеры спѣшили записаться въ цехъ «философовъ», находя это ремесло наиболѣе выгоднымъ и легкимъ. Люди съумѣли превратить и царство мудрецовъ въ глупый фарсъ. Пользуясь искреннимъ негодованіемъ, съ которымъ смотрѣла консервативная часть общества на этихъ проходимцевъ, считавшихъ Марка своимъ человѣкомъ, Авидій Кассій поднялъ возмущеніе не противъ Марка Аврелія императора, а противъ Марка Аврелія философа.

Такимъ образомъ доброта и мудрость государя повредили ему больше всего. Какъ истинный римлянинъ, онъ питалъ инстинктивное отвращеніе къ восточнымъ религіознымъ суевѣріямъ. Къ нимъ онъ причислялъ и христіанство. Его пугалъ этотъ непонятный и непобѣдимый мистицизмъ, отрицавшій весь государственный строй Рима. Императоръ разрѣшилъ чиновникамъ преслѣдовать христіанъ, какъ членовъ преступной ассоціаціи, какъ мятежниковъ. Кровь невинныхъ была пролита съ разрѣшенія самаго кроткаго изъ людей. Единственный разъ, когда онъ принудилъ себя быть суровымъ, суровость повредила ему столько же, какъ доброта.

И въ личной жизни, какъ во всемъ, императоръ былъ мученикомъ. Жена его не понимала. Быть можетъ, Фаустина любила мужа въ то время, когда они еще жили во дворцѣ Лоріумъ или въ затишьи лѣсовъ виллы Ланувіумъ на послѣднихъ отрогахъ Альбанскихъ горъ. Но любовь прошла, и философія наскучила молодой красивой женщиной. Выдержки изъ Эпиктета возбуждали въ ней тоску; спокойствіе и кротость мужа раздражали ее, казались оскорбительными. Распространилась клевета, которая повторялась даже со сцены актерами, но, вѣроятно, не имѣла основанія: говорили,

что императрица въ преступной связи съ приближеннымъ ея мужа, Луциемъ Веромъ. Императоръ не обращалъ вниманія на насмѣшки и какъ будто не видѣлъ зла. Но онъ съ горечью чувствовалъ, что Фаустина отъ него удаляется, затаилъ въ себѣ грусть, молчалъ и не измѣнялъ до конца отношенія къ женѣ, которое Ренанъ называетъ «неумолимой кротостью».

Въ эти послѣдніе годы ни на одно мгновеніе не покидала его мысль о смерти. Онъ жилъ въ императорскихъ дворцахъ, какъ великіе христіанскіе отшельники Аммоній, Нилъ, Пахомій жили въ пустыняхъ Египта. Мудрость никому не достается даромъ. Невозмутимое спокойствіе, кротость, пріятливое лицо скрывали страшную внутреннюю болѣзнь души. Онъ позналъ ничтожество всего, даже послѣдней иллюзіи—славы, человѣческой любви, и скорбь его была безпредѣльна. Силы падали. Въ послѣднее время онъ могъ говорить только тихимъ голосомъ и ходить маленькими шагами. Зрѣніе ослабѣвало. Къ вечеру онъ такъ утомлялся, что не былъ въ состояніи держать въ рукахъ книгу. Императоръ передъ смертью начиналъ понимать, что царство философовъ остается невыполнимой мечтою. Онъ предчувствовалъ, что Риму не побѣдитъ варваровъ; искусства и науки падали; въ народѣ распространялись грубыя, нелѣпыя суевѣрія. Одни только законы сдѣлались немного мягче и справедливѣе, но люди остались такими же несчастными, невѣжественными и жестокими. Во всѣхъ слояхъ общества царствовала скорбь, утомленіе жизнью, — то, въ чемъ христіане видѣли предчувствіе конца міра.

Между тѣмъ, на краю могилы, императоръ понялъ, что его любимый сынъ Коммодъ, наслѣдникъ престола, кому онъ долженъ вручить послѣ своей смерти судьбу человѣчества, за кого онъ отвѣчаетъ передъ людьми и

передъ Богомъ, — полувѣрь, будущій Неронъ, Калигула или Домиціанъ, болѣе похожій на сына гладиатора, чѣмъ на сына мудреца. Зло обнаружилось мало-по-малу, и кроткій императоръ почувствовалъ весь его ужасъ, когда было уже поздно. Онъ не могъ лишить Кômмода престола, зная навѣрное, что тотъ подыметъ возстаніе, а для государства въ смутное время, когда отовсюду грозили варвары, междоусобная война была бы гибельнѣе, чѣмъ самое жестокое правленіе. Природа посмѣялась надъ тѣмъ, кто всю жизнь вѣрилъ въ провидѣніе. Это былъ его ребенокъ — кровь отъ крови, плоть отъ плоти: онъ узнавалъ свои черты въ чертахъ безмысленнаго атлета съ молодымъ цвѣтущимъ тѣломъ, съ кровожаднымъ сердцемъ. Маркъ Аврелій, возлагая послѣднюю наивную надежду на воспитаніе, окружилъ Кômмода знаменитѣйшими учителями философіи и морали. Тотъ слушалъ ихъ, по выраженію Ренана, какъ слушалъ бы молодой левъ, зѣвая и показывая острые зубы. Наслѣдникъ Марка Аврелія чувствовалъ себя вполне дома только среди мимовъ, наѣздниковъ цирка и гладиаторовъ, которыхъ онъ превосходилъ силой и грубостью.

«О, смерть, приходи скорѣе, не медли!...» писалъ императоръ въ своемъ дневникѣ. «Я удаляюсь изъ этой жизни, гдѣ даже спутники мои, за которыхъ я столько боролся, страдалъ, которымъ я такъ искренне желалъ блага, ждуть, когда же, наконецъ, я умру, надеясь, что послѣ моей смерти имъ будетъ лучше».

«Посредствомъ анализа — говоритъ Ренанъ — онъ до такой степени разлагаетъ жизнь, что она уже почти не отличается отъ смерти. Онъ достигаетъ всепрощенія, равнодушія, умѣряемаго жалостью и презрѣніемъ... Послѣднія движенія жизни въ этой душѣ были почти такъ же тихи, какъ едва слышные звуки во внутрен-

ности гроба. Онъ достигъ буддійской *нирваны*, евангельскаго *мира*. Какъ Сакья-Муни, Сократъ, Францискъ Ассизскій и еще три или четыре мудреца, онъ окончательно побѣдилъ смерть. Онъ могъ говорить о ней съ улыбкой, такъ какъ воистину она болѣе не имѣла для него смысла».

10 марта 180 года онъ заболѣлъ въ лагерѣ на берегахъ Дуная и, съ радостью почувствовавъ приближеніе смерти, сталъ воздерживаться отъ всякой пищи и смотрѣлъ на себя, какъ на умирающаго.

Но, исполняя послѣдній долгъ отца передъ сыномъ, императора передъ народомъ, онъ имѣлъ еще силу выйти къ войску и представить ему наслѣдника. Лицо философа, какъ всегда, было блѣдно, спокойно и привѣтливо. Но онъ зналъ, что дѣлаетъ, — зналъ, кому отдаетъ въ руки судьбу человѣчества. Въ эти послѣднія страшныя минуты измѣнила ли ему философія, пробудилась ли въ немъ жизнь и вмѣстѣ съ нею отчаяніе, или ничто уже не могло нарушить покоя?...

Черезъ семь дней, чувствуя, что наступилъ конецъ, онъ покрылъ себѣ лицо, какъ будто желая уснуть, и въ слѣдующую ночь скончался.

Люди воздавали ему божескія почести; заключили его останки въ мавзолей Адриана; называли не иначе какъ: «Маркъ — мой отецъ», «Маркъ — мой братъ», «Маркъ — мой сынъ», смотря по возрасту. Но, вѣроятно, многіе, узнавъ про его смерть, подумали: «ну, слава Богу! кончился долгій постъ, кончилось унылое царство мудрецовъ!» — и вздохнули съ облегченіемъ.

Послѣ отца-философа на престолъ вступилъ сынъ-гладиаторъ. «Прощай, добродѣтель! прощай, разумъ! Если Маркъ Аврелій не могъ спасти міръ, кто же спасетъ его?... Да здравствуетъ безуміе, да здравствуетъ сиріецъ и его сомнительные боги!» (Ренанъ).

Попытка философа сдѣлать человѣчество мудрымъ завершилась кровавымъ фарсомъ Коммода, и послѣ краткаго перерыва снова побѣдила человѣческая глупость.

III

Если вы ищете въ книгѣ новыхъ фактовъ, знаній, отпечатка исторической эпохи, поэзіи или философской системы, то дневникъ Марка Аврелія дастъ вамъ немного. Эта книга, болѣе чѣмъ какая-либо другая, независима отъ условій мѣста и времени, отъ всякой предвзятой системы, отъ требованій литературнаго слога, отъ желанія нравиться или открывать новыя истины. Ея глубокая цѣль — отрѣшеніе отъ жизни; ея область — душа человѣческая, освобожденная отъ всего, что сковываетъ ее на землѣ. Стоицизмъ II вѣка оставилъ слѣдъ на мысляхъ Марка Аврелія, но это — слѣдъ внѣшній. Въ сущности нравственное настроеніе императора имѣетъ часто болѣе сродства съ апостоломъ Павломъ и Сакья-Муни, чѣмъ со стоикомъ Эпиктетомъ.

Если же вы возьмете эту книгу въ руки съ искренней жаждой вѣры, съ тревожной совѣстью и душою взволнованною великими несмолкаемыми вопросами о долгѣ, о смыслѣ жизни и смерти — дневникъ Марка Аврелія васъ увлечетъ, покажется болѣе близкимъ и современнымъ, чѣмъ многія созданія вчерашнихъ геніевъ. Вы почувствуете, что это — одна изъ тѣхъ безконечно рѣдкихъ книгъ, которыхъ сердцемъ не забываешь и о которыхъ приходится вспоминать не въ библіотекахъ, ученыхъ кабинетахъ и аудиторіяхъ, а въ жизни, среди страстей, искушеній и нравственной борьбы. Эта книга — живая. Она можетъ не произвести никакого впечатлѣнія, но разъ она затронула сердце, ее уже нельзя не любить. Я не знаю болѣе сладкаго

и глубокаго ощущенія, чѣмъ то, которое испытываешь, встрѣчая свои собственныя, никому невысказанныя мысли въ произведеніи чловѣка далекой культуры, отдѣленнаго отъ насъ вѣками. Тогда только перестаешь на мгновеніе чувствовать себя одинокимъ и понимаешь общность внутренней жизни всѣхъ людей, общность вѣры и страданій всѣхъ временъ. Съ какимъ удивленіемъ и радостью узнаешь все, о чемъ только что говорилъ съ близкимъ чловѣкомъ или думалъ наединѣ съ собою, все, чѣмъ мы въ настоящее время живемъ и отъ чего гибнемъ, все наше невѣріе и наши правдивныя муки — въ этихъ небрежныхъ замѣткахъ, въ этомъ походномъ дневникѣ, торопливо набросанномъ въ палаткѣ гдѣ-то на берегахъ Дуная, среди варваровъ, во II вѣкѣ римскимъ императоромъ, умершимъ больше чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ назадъ. Но это не императоръ, это не римлянинъ, это даже не чловѣкъ съ его обычнымъ лицемѣріемъ и самолюбіемъ — это душа, обнаженная отъ всѣхъ покрововъ, которую мы созерцаемъ лицомъ къ лицу, какъ нашу собственную душу. Вся книга — одинъ монологъ изъ трагедіи сердца великаго и непонятаго людьми. Предвидишь неминуемую развязку трагедіи, но герой умираетъ съ такимъ величіемъ, съ такимъ презрѣніемъ къ смерти и къ жизни, что гибель его внушаетъ больше благоговѣнія, чѣмъ всякая побѣда. Не думая о догматахъ, онъ создалъ вѣру, доступную всѣмъ вѣкамъ и народамъ; не думая о философскихъ системахъ, онъ создалъ неразрушимое нравственное ученіе; не думая о литературномъ стилѣ, онъ создалъ глубокую поэму чловѣческой совѣсти.

«Всегда смотри на себя, какъ на умирающаго» (кн. II, 2). «Черезъ одно мгновенье ты будешь горстью пепла, скелетомъ, именемъ, или даже имя твое исчез-

нетъ. Имя — только шумъ, только эхо! То, что мы такъ цѣнимъ въ жизни, — пустота, тлѣнь, ничтожество: собаки, которыя грызутся, дѣти, которыя дерутся, только что смѣялись и сейчасъ же послѣ этого плачуть... Чего же ты ждешь?...» (кн. V, 33).

Его преслѣдуетъ мысль о смерти. Это хорошо знакомый намъ страхъ, никогда не затихающій и неотразимый. Онъ преслѣдовалъ римлянъ временъ упадка, лишенныхъ вѣры, и теперь, послѣ долгаго перерыва, снова пробудился; онъ преслѣдуетъ людей XIX вѣка самыхъ различныхъ темпераментовъ, національностей и направленій — одинаково Бодлера, какъ Леопарди, Байрона, какъ Толстого, Флобера, какъ Ибсена.

Одинъ изъ послѣднихъ питомцевъ эллиническихъ музъ, еще приносившій, въ угоду толпѣ, жертвы свѣтлымъ богамъ Олимпа, уже говоритъ о радостяхъ жизни съ презрѣніемъ и злобою, бичуетъ ихъ, нарочно употребляя самыя грубыя оскорбительныя слова, какъ будто передъ нами не ученикъ греческаго ритора Фронтонна, а суровый христіанскій отшельникъ. Говоря о славѣ царей и о величій, императоръ въ избыткѣ негодованія вдругъ обрываетъ свою рѣчь почти бранными словами: «о, какое зловоніе, какой тлѣнь!» (кн. VIII, 37). «Что такое ванна? — масло, потъ, грязь, мутная вода — однимъ словомъ, все, что только есть отвратительнаго. Вотъ — жизнь; вотъ — предметы, доступные твоимъ чувствамъ» (кн. VIII, 24). «Игры и драки дѣтей... души облеченныя въ плоть — души носящія на себѣ труны!...» (IX, 24).

Онъ чувствуетъ общее всѣмъ людямъ той эпохи — язычникамъ и христіанамъ, утомленіе жизнью, разочарованіе въ попыткахъ чловѣчества достигнуть свободы и равенства на землѣ: «не надѣйся, когда бы то ни было, осуществить республику Платона» (IX, 39).

«Вѣчное повтореніе тѣхъ же предметовъ внушаетъ отращеніе: это мука всей нашей жизни. Отъ высокаго до низкаго предметы всегда тѣ же, происходятъ отъ тѣхъ же началъ. До какихъ поръ, наконецъ? . . .» (VI, 46).

«Подумай только о нравахъ окружающихъ, съ которыми приходится жить. Самый добрый изъ людей едва выносить ихъ. Но что говорю? каждый едва выносить самого себя. Среди этого мрака, грязи, въ потокѣ, увлекающемъ и матерію, и время, и движеніе, и все предметы, знаешь ли ты хоть что-нибудь достойное твоего уваженія и твоихъ заботъ? Я ничего не знаю» (V, 10).

«Оставаться тѣмъ же, чѣмъ ты былъ до этого дня, и вести прежнюю жизнь, полную тревогъ и оскорбленій, значитъ не имѣть чувства достоинства, значитъ быть рабомъ жизни, похожимъ на тѣхъ несчастныхъ, которые на аренѣ цирка, когда звѣри уже на половину загрызли ихъ, все еще, покрытые ранами и кровью, умоляютъ народъ оставить ихъ жить хоть до завтра, зная, что и завтра на томъ же мѣстѣ они будутъ преданы когтямъ и зубамъ тѣхъ же звѣрей» (кн. X, 8).

«Быть властелиномъ своей души, погасить все желанія» (IX, 7) — вотъ къ чему онъ приходитъ. Это тотъ же выводъ, какъ у буддистовъ и Шопенгауэра, — полное отреченіе отъ воли и страстей, внутреннее самоубійство. «Будьте безчувственны, будьте подобны камнямъ!» Въ томъ же настроеніи, какъ великій пессимистъ-императоръ, другой пессимистъ-художникъ — Микель Анжело, написалъ сонетъ о своей мраморной, страдальческой «Ночи»: «мнѣ сладко спать, еще слаще быть каменной въ эти времена бѣдствій и позора. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать — великое блаженство. О, не буди же меня, умоляю! говори тише!» Такъ на предѣлахъ скорби наступаетъ окаменѣніе

сердца. Человѣческая душа, какъ Ниобея, превращается въ камень. Но и тогда для нея нѣтъ успокоенія. Душа не умираетъ, и слезы живой любви и скорби продолжаютъ струиться даже изъ каменныхъ очей Ниобеи. И мраморная «Ночь» Микель Анжело живетъ и страдаетъ.

«Будьте безчувственны, будьте подобны камнямъ» — вотъ неумолкаемый, изъ вѣка въ вѣкъ повторяющійся завѣтъ стойковъ, аскетовъ, буддистовъ, художника Микель Анжело, философа Шопенгауэра, императора Марка Аврелія. Но если камни не страдаютъ — они и не любятъ, и не вѣрятъ въ боговъ. А кроткое сердце императора полно любви, состраданія къ людямъ и вѣры въ божественное начало міра. Это противорѣчіе спасаетъ его отъ сухости и омертвѣнія души, въ которое впадали болѣе послѣдовательные стоики, отрицая во имя разума все волненія, даже волненіе жалости. Для себя онъ признаетъ свободу воли, но, чтобы прощать другихъ людей, онъ проповѣдуетъ, что зло и пороки такъ же естественны, какъ розы — весной, какъ плоды — осенью. Это противорѣчіе разрушаетъ систему, но дѣлаетъ его книгу человѣчной: это неразрѣшимое противорѣчіе нашего собственнаго сердца. «Если ты сердись на кого-нибудь — совѣтуетъ онъ — представь себѣ этого человѣка мертвымъ, лежащимъ въ гробу, и ты простишь его». Такимъ образомъ сознаніе ничтожества нашей борьбы, страхъ смерти переходятъ въ жалость къ людямъ. «Помни объ одномъ: черезъ очень короткое время и ты, и онъ — вы оба умрете, а потомъ скоро даже имена ваши исчезнутъ» (IV, 6). Противникъ христіанъ говоритъ почти словами евангелія: «человѣчку свойственно любить тѣхъ, кто дѣлаетъ ему зло» (VII, 22). Суровый стоикъ, который совѣтуетъ намъ, слабымъ людямъ: «сохраняйте невозмутимое спокой-

ствіе, даже если тѣло ваше будутъ рѣзать и жечь!»— обладаетъ кроткимъ и нѣжнымъ сердцемъ: «о, душа моя, будешь ли ты, наконецъ, доброй, простой, всегда неизмѣнной и открытой, обнаженной, болѣе видимой для глазъ, чѣмъ тѣло, твоя оболочка? Вкусишь ли ты, наконецъ, отъ блаженства любить, любить всѣхъ людей!» (X, 254).

Кромѣ доброты сердца, его спасаетъ отъ аскетической сухости, квіетизма и отчаянія вѣра въ необходимость человѣческаго разума. «Помни каждое мгновение дня, что ты долженъ показывать въ своихъ дѣйствіяхъ твердость, какъ подобаетъ римлянину и мужу» (II, 5). Человѣкъ долженъ «имѣть въ душѣ внутренній храмъ» (IV, 3). «Подчиняйся владычеству бога, живущаго въ твоёмъ сердцѣ; будь мужественнымъ, зрѣлымъ, другомъ народнаго блага, римляниномъ, императоромъ, солдатомъ, стоящимъ на посту и ожидающимъ сигнала трубы, человѣкомъ, готовымъ покинуть жизнь безъ сожалѣнія, чье слово не нуждается ни въ клятвахъ, ни въ свидѣтельствѣ другихъ людей» (III, 5). «Разумъ— это божественный геній, живущій въ каждомъ человѣкѣ» (V, 27).

Его Богъ— человѣческая совѣсть. Это— простая, чистая и безкорыстная религія долга и любви. У него нѣтъ опредѣленной вѣры въ боговъ, нѣтъ никакихъ догматовъ. Сердце и умъ не могутъ быть болѣе свободными. Онъ ничего не утверждаетъ. Сомнѣніе никогда не исчезаетъ изъ его вѣры. Его мысли всегда имѣютъ двѣ стороны: одну— если Богъ и душа существуютъ, другую— если ихъ нѣтъ. «Или все— неопредѣленная смѣсь, хаосъ, атомы, которые собираются и разсѣваются, или же въ мірѣ есть порядокъ, единство, провидѣніе. Въ первомъ случаѣ— неужели ты можешь желать оставаться въ этомъ случайномъ смѣ-

шеніи атомовъ? О чемъ мнѣ тревожиться? Сила уничтоженія подѣйствуетъ на меня, что бы я ни дѣлалъ. Во второмъ случаѣ— я боготворю Существо, управляющее нами; оно— мой покой, оно— моя вѣра» (VI, 10). «Что бы ты ни дѣлалъ и ни думалъ, не забывай одного: возможно, что въ слѣдующее мгновение ты умрешь. Покинуть міръ, если есть боги, не страшно: они тебя не сдѣлаютъ несчастнымъ; если же ихъ нѣтъ, или если они не заботятся о людяхъ, стоитъ ли жить въ такомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ боговъ и нѣтъ промысла?» (II, 11). Вотъ чѣмъ Маркъ Аврелій близокъ намъ, людямъ XIX вѣка, такимъ скептикамъ жаждущимъ вѣры, какъ Ренанъ. Маркъ Аврелій имѣетъ силу никогда не выходить изъ этой дилеммы, онъ понимаетъ, что ея нельзя и не слѣдуетъ разрѣшать. Въ этомъ трагизмъ нравственной жизни. Живая вѣра поддерживается внутренней борьбою, сомнѣніемъ вѣчно возрождающимся и вѣчно утоляемымъ вѣрою. Вотъ почему вѣра— величайшее утѣшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшее страданіе души. Она даетъ жизнь сердцу и сжигаетъ его, пожираетъ, какъ сильное пламя— сухое дерево. Только великая душа способна выдержать эту борьбу; слабыя гибнутъ или успокаиваются на внѣшнихъ догматахъ. Маркъ Аврелій до конца не измѣнилъ себѣ, до конца сомнѣвался, вѣрилъ и боролся со своими сомнѣніями за свою вѣру; онъ палъ, обезсиленный въ борьбѣ, но не побѣжденный. Въ этомъ его величіе.

Онъ иногда достигаетъ такой высоты, гдѣ уже не слышно ни одного земного звука, гдѣ въ безмолвіи всѣхъ страстей исчезаетъ даже скорбь. «Надо жить въ согласіи съ природой это неуловимое мгновение, пока мы существуемъ; надо покинуть жизнь съ покорностью, какъ спѣлая олива падаетъ, благословляя землю, свою

кормилицу, и благодаря дереву, на которомъ она выросла» (IV, 48).

Это успокоеніе мудреца граничить съ гармоніей и красотой, которыхъ достигаютъ только великіе художники: «посмотри, каковъ лучъ солнца, когда свѣтъ передъ нашими глазами проникаетъ въ узкую щель темной комнаты. Онъ протягивается прямой линіей, потомъ ложится на какой-нибудь твердый предметъ, который преграждаетъ ему путь и заслоняетъ то, что находится дальше и что онъ могъ бы освѣтить. На этой преградѣ лучъ останавливается, не скользя и не падая. Такъ душа твоя должна сіять, изливаться на внѣшніе предметы, никогда не изнемогая, а только стремясь, не дѣлая насилія и не ослабѣвая, когда встрѣчаются преграды. Пусть она не падаетъ, но останавливается, какъ лучъ солнца, освѣщая то, что можетъ принять свѣтъ» (VIII, 57).

О смерти никто не говорилъ болѣе простыхъ и глубокихъ словъ, чѣмъ слѣдующія заключительныя строки дневника императора:

«О, человѣкъ! ты былъ гражданиномъ великаго города. Не все ли тебѣ равно, прожилъ ли ты въ немъ пять или три года. То, что согласно съ законами, не можетъ быть несправедливымъ ни для кого. Какая же въ томъ обида, что тебя удаляетъ изъ города не тиранъ, не судья неправедный, а сама природа, которая тебя поселила въ немъ? Такъ изъ театра отпускаетъ актера тотъ же самый преторъ, который пригласилъ его на сцену. — «Но я еще не сыгралъ пяти актовъ, а только три. — Ты говоришь хорошо. Но въ жизни довольно и трехъ актовъ, чтобы пьеса была цѣльною. Тотъ, кто опредѣляетъ твой конецъ, нѣкогда соединилъ части твоего тѣла; онъ же — виновникъ ихъ разложенія. Ни то, ни другое отъ тебя не зависитъ. Уйди же изъ міра

со спокойнымъ сердцемъ. Отпускающій тебя не гнѣвается» (XII, 36).

Но для того, чтобы достигнуть этихъ высочайшихъ вершинъ мудрости, откуда человѣкъ созерцаетъ смерть, какъ путникъ, достигшій горныхъ снѣговъ, за облаками созерцаетъ лицомъ къ лицу вѣчно-ясное небо, ему надо было пройти страшный путь, подобный крестному пути всѣхъ мучениковъ. Иногда мы не въ силахъ слѣдовать за нимъ. Мы ужасаемся полного умерщвленія воли и чувствъ, этого добродѣтельнаго самоубійства. Онъ слишкомъ презираетъ наши страданія и наши слабости. Онъ увѣряетъ, что мы можемъ быть вполне счастливы, если бы даже все человѣчество возстало на насъ съ проклятіями, что мы можемъ сохранить невозмутимую ясность души, если бы даже хищные звѣри терзали наше тѣло. Быть можетъ, это вѣрно, но во всякомъ случаѣ человѣческое сердце возмущается противъ нечеловѣческой логики стоицизма, и предѣлъ мудрости намъ, слабымъ смертнымъ, начинается казаться предѣломъ жестокости. Въ самомъ дѣлѣ, преступникъ, убивающій людей, уничтожаетъ жизнь въ ея частныхъ предѣлахъ. Мудрецъ, который ненавидитъ жизнь и отрицаетъ ея сущность — волю жить, хочетъ истощить самый источникъ жизни, — быть можетъ, совершаетъ болѣе страшное преступленіе, чѣмъ убійца. Вотъ величайшій трагизмъ существованія: послѣдняя цѣль добродѣтели — отреченіе отъ воли, отъ жизни, уничтожаетъ самую добродѣтель. У Марка Аврелія есть образчикъ стоической молитвы. «Другіе молятся о сохраненіи жизни своихъ дѣтей, ты молишь: Господи, сдѣлай такъ, чтобы мнѣ было все равно — умретъ ли мой ребенокъ или нѣтъ».

Къ счастью, Маркъ Аврелій не дошелъ до этой молитвы, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ

одна прелестная интимная записочка императора къ его старому учителю Фронтоу, которую я приведу цѣликомъ:

«Цезарь Фронтоу.»

«По волѣ боговъ мы, наконецъ, снова можемъ надѣяться на спасеніе». (Я опускаю наивную и реалистическую подробность о пищевареніи молодой принцессы, которую императоръ сообщаетъ съ великой радостью). «Приступы лихорадки исчезли. Но остается еще худоба и немного кашля. Ты уже навѣрное угадалъ, что я говорю о нашей дорогой маленькой Фаустинѣ, которая насъ такъ беспокоила. Какъ твое здоровье? Напиши мнѣ объ этомъ, мой милый учитель».

Въ этой коротенькой записочкѣ аскетъ, умерщвляющій свое сердце, измѣняетъ неумолимому ученію: онъ любитъ. Воображаю великаго императора, чей памятникъ стоитъ теперь передъ Капитоліемъ, воображаю того, кто защищалъ столько лѣтъ римскую имперію отъ варваровъ, кто молился богамъ, чтобы они въ сердцѣ его погасили послѣднюю искру земной любви, воображаю его у постели маленькой больной дочери— какъ онъ рукою щупаетъ ей голову: есть ли жаръ? Бѣдная Домиція Фаустина умерла. О, величайшій изъ стойковъ, неужели въ ту минуту, когда передъ тобою лежало маленькое холодное тѣло Фаустины, ты имѣлъ силу молиться богамъ: «сдѣлайте такъ, боги, чтобы я не жалѣлъ ее!»

У буддистовъ есть легенда: Сакья-Муни много лѣтъ сидѣлъ въ пустынѣ, неподвижный, вперивъ взоръ на небо, не видя земли. Онъ созерцалъ вѣчное, онъ былъ близокъ къ Нирванѣ. Протянутая рука его окостенѣла, и въ ладони ласточки, принимая отшельника за камень или дерево, свили гнѣздо. Онѣ прилетали

къ нему каждую весну. Но однажды улетѣли и уже болѣе не вернулись. И тотъ, кто умертвилъ въ себѣ всѣ желанія и волю, кто не страдалъ и не думалъ, кто погружался въ блаженное спокойствіе Нирваны, кому завидовали боги, — увидѣвъ, что ласточекъ нѣтъ, заплакалъ о нихъ.

Таково человѣческое сердце: оно не можетъ достигнуть полного спокойствія и мудрости, потому что оно не можетъ не любить. И— кто знаетъ — эта слабость его не есть ли величайшая сила?

ПЛИНІЙ МЛАДШІЙ

Такъ вихрь дѣлъ забывъ для
музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и
мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали
свой закатъ...

Пушкинъ

I

«Ты спрашиваешь, какъ я провожу дни на моей тосканской виллѣ? Просыпаюсь, обыкновенно, часу въ первомъ (по солнечному времени), иногда раньше, рѣдко — позже. Окна оставляю закрытыми: мысль ярче и живѣе во мракѣ и безмолвіи... Если у меня что-нибудь начатое, принимаюсь за работу, сочиняю въ умѣ, располагаю слова, поправляю. Работаю то больше, то меньше, смотря по тому, чувствую ли себя расположеннымъ. Потомъ зову секретаря (нотарія), велю открыть ставни, диктую то, что сочинилъ. Онъ уходитъ; зову его снова, опять отсылаю. Часу въ четвертомъ или въ пятомъ, иду гулять, смотря по погодѣ, или въ крытую галлерею или въ садъ. Продолжаю сочинять и диктовать. Сажусь въ колесницу; когда мой умъ возбуждается переменной впечатлѣній, возвращаюсь къ той работѣ, которой былъ занятъ лежа въ постели, и прогуливаюсь. Немного отдохнувъ, громко читаю какую-нибудь латинскую или греческую рѣчь болѣе для укрѣпленія груди, чѣмъ голоса, но и голосу это полезно. Еще гуляю, меня натираютъ елеемъ, зани-

маюсь гимнастикой, беру ванну. Во время обѣда за столомъ сидить со мною жена или нѣсколько друзей; что-нибудь читаемъ вслухъ. За десертомъ въ залу приходитъ комическій актеръ или музыкантъ съ лирою. Бесѣдую съ моими повѣренными, среди которыхъ есть очень образованные люди. Вечеръ затягивается въ разнообразныхъ бесѣдахъ и даже долгіе лѣтніе дни проходить незамѣтно.

Иногда я слегка измѣняю порядокъ дня. Если долго лежу въ постели, то дѣлаю болѣе краткую и быструю прогулку верхомъ. Изъ сосѣднихъ виллъ пріѣзжаютъ навѣститъ меня и я провожу съ друзьями часть времени. Они развлекаютъ меня, даютъ полезный отдыхъ. Изрѣдка охочусь, но никогда не забываю своей записной книжки; возвращаюсь домой, если не съ убитымъ звѣремъ, зато съ литературною добычею. Посвящаю нѣсколько часовъ моимъ *колонамъ* (крестьянамъ, арендующимъ землю), — слишкомъ немного, по ихъ мнѣнію. Но вѣчныя деревенскія жалобы заставляютъ меня еще сильнѣе любить нашу литературу, наши городскія дѣла. Vale».

Въ приведенномъ письмѣ Плинія есть то, что такъ рѣдко встрѣчается въ памятникахъ историческихъ. — будничная сторона жизни. «Письма Плинія Младшаго» — одна изъ самыхъ удивительныхъ книгъ, какія намъ оставила древность, — особенный родъ литературы, близкій нашему современному вкусу, исключая все условное и внѣшнее, немного поверхностный, но зато граціозный, очаровательно - разнообразный. Читается эта маленькая драгоценная книга, какъ интересный романъ, полный живыхъ характеровъ, движенія и страстей. Это — что-то въ родѣ нашихъ дневниковъ, семейныхъ записокъ или мемуаровъ XVIII вѣка.

Рескошная лѣтняя жизнь въ безмолвіи мраморныхъ

вилль, шумъ и говоръ римскихъ судебныхъ мѣстъ—*базиликъ*, гдѣ адвокаты произносятъ напыщенные и лживыя рѣчи, ужасы Домиціанова правленія, мудрость Траянова вѣка, застольныя пѣсенки и анекдоты свѣтскихъ людей, героическое самоубійство римскихъ стойковъ, литературныя обѣды и чтенія — вся эта пестрая картина возникаетъ передъ нами съ необыкновенной ясностью. Слышится и смѣхъ веселыхъ шутниковъ, и грохотъ колесъ по римской мостовой, и шелестъ деревьевъ въ затиши Лаврентинской виллы; не вѣрится, что все это умолкло, потухло, умерло восемнадцать вѣковъ тому назадъ.

Какъ эти древніе люди похожи на насъ! Какъ мало мѣняется самая ткань повседневной человѣческой жизни! Только узоры — иные, основа — старая.

«Тогдашній литературный вкусъ» — говоритъ Э. Ренанъ о вѣкѣ Траяна — «былъ весьма плохой... Все портила декламация... Всѣ говорили о краснорѣчїи, о хорошемъ стилѣ, но почти никто не умѣлъ писать... Общій духъ литературы — нелѣпый диллетантизмъ, который овладѣлъ даже императорами, глупое тщеславіе, которое побуждало каждаго выказывать свой умъ. Отсюда необыкновенная приторность, безконечныя «Тезеиды», драмы, написанныя для чтенія въ маленькихъ кружкахъ, нестерпимо-банальныя, которыя можно сравнить съ эпопеями и трагедїями, сочинявшимися въ самомъ началѣ нашего вѣка во Франціи».

Этотъ строгій отзывъ великаго историка христіанства вѣренъ только относительно художественной литературы, и то лишь въ ограниченной степени. Проза Тацита едва ли стоитъ ниже стиховъ Горация и Виргилія. Вѣкъ Траяна былъ вѣкомъ историковъ, а не поэтовъ. Быть можетъ, никогда еще геній римской прозы не поднимался такъ высоко. Во времена, близкія

къ литературному упадку, стиль достигаетъ, не надолго, величайшей красоты и выразительности — въ языкѣ чувствуется зрѣлость и сочность самыхъ позднихъ осеннихъ плодовъ.

II

Плиній стоитъ передъ нами, какъ живой. Онъ нарисовалъ себя въ своихъ письмахъ, какъ художники, которые оставляютъ потомству собственные портреты. Нельзя кончить этой книги, не полюбивъ автора, открывающаго свое сердце съ такою благородною простотою.

Плиній родился въ городѣ Комо въ 61 году послѣ Р. X. Въ молодости своей онъ пережилъ худшую эпоху римскаго цезаризма и навсегда сохранилъ о ней тягостныя воспоминанія. Вотъ какъ изображаетъ онъ страшныя времена императора Домиціана въ письмѣ къ философу Аристону: «тогда добродѣтель была подозрительной; порочность всѣми уважаемой; никакой власти у начальниковъ, никакой дисциплины въ войскахъ; все человѣческое поругано; хотѣлось одного, какъ можно скорѣе забыть то, что видѣлъ. А видѣли мы сенатъ трепетный и безгласный (*curiam trepidam et elinguem*) — говорить въ немъ было опасно, молчать позорно. Чему мы, юноши, могли научиться, да и какая польза была въ ученіи, когда сенатъ созывался для полного бездѣйствія или для гнуснаго злодѣйства? Надъ нимъ издѣвались или заставляли его дрожать. Рѣшенія были смѣшными или плачевными. Эти бѣдствія продолжались долгіе годы. Мы и выросли, и сами сдѣлались сенаторами, испытавъ такія несчастія, что съ той поры на всю жизнь сердца наши остались окаменѣлыми, измученными, разбитыми (*ingenia nostra in posterum quoque hebetata, fracta, contusa sunt*)».

Императору Домиціану, кровожадному звѣрю въ образѣ человѣка, курились алтари, приносились жертвы, какъ Богу. По дорогѣ въ Капитолій проходили стада, которыя предназначались для этихъ нелѣпыхъ и кощунственныхъ жертвоприношеній. Знаменитый римскій ораторъ Квинтиліанъ пресмыкался у трона, чтобы сохранить себѣ жизнь. Лучшіе граждане, философы, ученые изгонялись, какъ преступники. Многіе добровольно умирали, полные презрѣнія къ своему отечеству.

Плиній перенесъ ужасныя времена съ героизмомъ. Онъ не берегъ жизни и ни разу не унижился до лести. Одинъ изъ его друзей, философъ Арпимидоръ, былъ изгнанъ императоромъ. Плиній, исполняя должность претора, что еще усиливало опасность, не побоялся посѣтить друга въ загородной виллѣ. Арпимидору нужны были деньги, чтобы уплатить долгъ. Многіе изъ богатыхъ и могущественныхъ друзей его не рѣшались помочь изгнаннику, Плиній занялъ денегъ и далъ ему. Въ то самое время, какъ онъ оказывалъ эту опасную услугу, семь лучшихъ друзей его были казнены или изгнаны Домиціаномъ. Сенекіонъ, Рустикъ, Гельвидій убиты; Маврикъ, Гратилла, Арріа и Фаннія изгнаны. «Молнія, которая поразила столько близкихъ людей, судя по многимъ признакамъ, угрожала и мнѣ. Но я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать, чтобы не заслужить безчестія», — заключаетъ Плиній съ благородною скромностью.

Среди ужасовъ Домиціановскаго Рима онъ вѣренъ себѣ такъ же, какъ въ виду погибающей Помпеи при знаменитомъ изверженіи Везувія, которое онъ описалъ съ живостью очевидца и безпристрастіемъ философа въ двухъ своихъ лучшихъ письмахъ къ Тациту, этихъ совершенныхъ образцахъ латинской художественной прозы. И въ то время, когда онъ переступаетъ въ домъ своего изгнаннаго друга Арпимидора порогъ, который

грозить сдѣлаться порогомъ смерти, и подѣ страшнымъ заревомъ вулкана — грустное и доброе лицо римскаго патриція сохраняетъ отпечатокъ возвышеннаго спокойствія, не измѣнившаго ему ни въ позорѣ, ни въ славѣ, ни въ жизни, ни въ смерти.

III

Светоній и Ювеналь нарисовали такую ужасающую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественную картину древнеримскаго цезаризма, современные историки такъ усердно и краснорѣчиво описываютъ намъ нравственное паденіе языческаго Рима, что мы давно усвоили привычку преувеличивать мрачныя стороны этой эпохи. Кажется, если бы не христіанское возрожденіе, міръ неминуемо долженъ бы погибнуть. Но такъ ли это? Не было ли христіанство проявленіемъ того, что невидимыми путями подготовлялось въ нѣдрахъ языческаго Рима? Быть можетъ, не Домиціанъ и Каракалла, а Тацитъ и Плиній — представители того цезарскаго Рима, страшнаго города, который съ омерзѣніемъ авторъ Апокалипсиса называетъ «Великою Блудницею» — «Magna Meretrix».

Правда, у Плинія нѣтъ «духа смиренномудрїя». Онъ никогда не отрекается отъ своего человѣческаго достоинства; смотритъ прямо въ глаза людямъ и судьбѣ; любить жизнь, еще больше славу, и не стыдится этой любви. Вотъ что онъ пишетъ Тациту: «я не знаю, заслужимъ ли мы оба почести въ потомствѣ не нашимъ умомъ (надѣяться на это было бы тщеславіемъ), но нашимъ трудолюбіемъ, нашимъ уваженіемъ къ потомству. Будемъ продолжать путь: если и немногихъ онъ привелъ къ свѣту и славѣ, то все-таки многихъ вывелъ изъ мрака и забвенія». Въ другомъ

письмѣ къ тому же великому другу онъ говоритъ съ еще большею искренностью и нескрываемою жаждою славы: «какая сладкая, какая благородная дружба, о Тацитъ! Какъ радостно думать, что, если потомство не забудетъ насъ, то всюду будутъ говорить о нашемъ союзѣ, о нашей искренней дружбѣ, о нашемъ братствѣ! То будетъ рѣдкое и прекрасное зрѣлище двухъ людей почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ, одного и того же круга, съ нѣкоторою литературною славою (если я большаго о тебѣ не говорю, то лишь потому, что въ то же самое время говорю и о себѣ), людей, ободрившихъ другъ друга къ благороднымъ трудамъ! Еще будучи юношей, видя тебя въ ореолѣ славы, я уже горѣлъ нетерпѣніемъ послѣдовать за тобою, идти по пятамъ твоимъ, правда *«далеко позади тебя, но все-же первымъ за тобою»* — по выраженію поэта. Тогда въ Римѣ было много знаменитыхъ мужей, но сходство нашихъ душъ побуждало меня смотрѣть на тебя, о Тацитъ, какъ на предметъ высокаго подражанія, какъ на совершенный образецъ. Вотъ почему я горжусь тѣмъ, что наши имена произносятся вмѣстѣ на литературныхъ бесѣдахъ, и тѣмъ, что невольно вспоминаютъ меня, когда говорятъ о тебѣ. Многихъ писателей предпочитаютъ намъ обоимъ. Но какое мнѣ дѣло, буду ли я на первомъ мѣстѣ, или нѣтъ, только бы мнѣ быть съ тобою!»

IV

Авторъ писемъ — не герой, не рѣдкое исключеніе, а типическій представитель времени. Добродѣтели его — добродѣтели *средняго* хорошаго человѣка той эпохи. Онъ не разыгрываетъ роли генія, напротивъ, — не хочетъ и не умѣетъ скрывать своихъ маленькихъ

слабостей, своихъ недостатковъ, а главный недостатокъ его — литературное тщеславіе. Послѣ каждаго изъ своихъ блестящихъ адвокатскихъ успѣховъ онъ не можетъ скрыть неумѣреннаго торжества. Предвосхищая сужденіе, которое принадлежитъ потомству, Плиній въ наивномъ увлеченіи сравниваетъ себя съ Эхиномъ и Демосееномъ. Когда онъ хвалитъ литературныхъ друзей съ преувеличеннымъ усердіемъ, чувствуется, что онъ ожидаетъ и отъ нихъ такихъ же шумныхъ восторговъ. «Нельзя слышать вашего голоса», пишетъ онъ какому-то невѣдомому генію Антонину, «не представляя себѣ старца Гомера, чьи рѣчи были слаще меда. Нельзя читать вашихъ произведеній безъ того, чтобы не казалось, что пчелы сообщили имъ благоуханіе самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ!»

Его родная стихія, гдѣ онъ живетъ полною жизнью, — не форумъ, не уединенная келья мудреца, даже не природа, которую онъ умно и сердечно любитъ, а литературный кружокъ, собраніе утонченныхъ, немного поверхностныхъ риторовъ. Настоящаго служенія тѣмъ строгимъ музамъ, которыя нѣкогда царствовали въ Афинахъ, здѣсь давно уже нѣтъ. Эти римскіе литературные кружки скорѣе напоминаютъ изящные легкомысленные салоны XVIII вѣка. И здѣсь, и тамъ слишкомъ много говорятъ о поэзіи, слишкомъ мало ее чувствуютъ. Шекспиръ и Эсхиль кажутся вѣчно-восторгающимся и, въ сущности, очень холоднымъ цѣнителямъ грубыми варварами. Здѣсь нужно остроуміе Вольтера, декламация Сенеки. Ихъ безугоризненный стиль своимъ лоскомъ напоминаетъ блестящій паркетъ или мозаичный мраморъ, по которому скользятъ привычныя ноги, обутыя въ башмачки съ красными каблуками или въ золоченныя сандаліи.

«Годъ былъ обилень поэтами» — сообщаетъ Плиній

какъ о важномъ событіи — «въ мѣсяцъ апрѣль не проходило, кажется, дня безъ какого-нибудь литературнаго чтенія. Я люблю видѣть, какъ процвѣтаетъ поэзія, какъ проявляется геній, несмотря на ту небрежность, съ какою наши современники относятся къ новымъ произведеніямъ. Никто не жалѣетъ времени, потраченнаго на форумъ въ скучныхъ дѣловыхъ разговорахъ... А между тѣмъ даже самые праздные люди, хотя бы ихъ предупреждали и нѣсколько разъ повторяли приглашеніе, не приходятъ на литературныя собранія. Если же достаиваютъ придти, то жалуются на потерянный день, между тѣмъ какъ тѣхъ-то именно дней и не слѣдуетъ считать потерянными, которые посвящены поэзіи».

Все это такъ. Но мы знаемъ, что истинныхъ поэтовъ не было въ тѣ времена, и, несмотря на трогательное негодование Плинія, понимаемъ людей, которые неохотно посѣщали эти риторическія оргіи говорунувъ-диллетантовъ, влюбленныхъ въ себя, гдѣ подражатели Сенеки душили слушателей снотворными трагедіями. Нельзя сомнѣваться, что тамъ царствовалъ дурной вкусъ: Плиній, благодаря прирожденному таланту, отличающійся превосходнымъ сжатымъ стилемъ, восхваляетъ «многословіе» (*amplificatio*), какъ немалое достоинство ораторскаго искусства. По его мнѣнію, хорошая вещь выигрываетъ, если ее увеличить въ размѣрахъ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Вотъ чего никогда не сказалъ бы житель благородной Аттики, современникъ Платона.

Иногда мелочное тщеславіе Плинія возбуждаетъ невольную досаду. Писатель, гордящійся дружбою съ Тацитомъ, превозноситъ до небесъ жалкіе стишки какого-то Сентія Авгурина за то, что въ нихъ заключенъ ловкій комплиментъ ему, Плинію. Какъ можетъ проницательный и умный человѣкъ придавать значеніе

такому вздору? Странно и грустно через столько вѣковъ наблюдать маленькую борьбу маленькихъ самолюбій, взаимныя любезности, расточаемыя свѣтскими диллетантами.

Но такова человѣческая природа: на всякаго мудреца довольно простоты; у каждаго вѣка свой комизмъ, котораго избѣгаютъ только исключительные люди. Плиній потому-то и заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія, что стоитъ не выше вѣка, а наравнѣ съ нимъ, и съ удивительной полнотой отражаетъ его недостатки и добродѣтели, его слабости и величіе.

V

«Я провелъ всѣ эти послѣдніе дни въ глубокомъ спокойствіи среди моихъ книгъ и восковыхъ табличекъ. Вы, конечно, спросите: какъ это возможно въ Римѣ? А вотъ какъ. Было время цирка, который не имѣетъ для меня никакой прелести. Я не нахожу въ немъ ничего новаго, ничего увлекательнаго, ничего такого, что стоило бы видѣть болѣе одного раза».

«Наши гладиаторскія игры», — продолжаетъ Плиній, какъ настоящій христіанскій учитель, — «развратили нравы всѣхъ народовъ. Эта болѣзнь распространилась всюду изъ Рима, какъ изъ главы имперіи. А вѣдь именно тѣ болѣзни, которыя начинаются съ головы, наиболѣе опасныя въ человѣческомъ, какъ и въ государственномъ тѣлѣ».

Плиній сочувствуетъ просвѣщенному императору, который, уничтожая гладиаторскія зрѣлища въ городѣ Виеннѣ, впервые произнесъ знаменательныя слова: «*Vellem etiam Romae tolli possit*» — т. е. «я хотѣлъ бы, чтобы и въ Римѣ ихъ можно было уничтожить».

Вотъ гдѣ таятся причины будущаго торжества христіанства. Плиній, средній хорошій и умный чело-вѣкъ языческаго Рима, самъ того не зная, — христіанинъ. Милосердіе, любовь къ ближнему не есть исключительная особенность какого-нибудь вѣроисповѣданія, а коренится въ самой природѣ человѣческаго сердца.

У Плинія есть та *доброта*, которая во всякомъ случаѣ стоитъ генія. Безъ ложнаго смиренія, слишкомъ часто прикрывающаго высокомеріе фанатиковъ, умѣетъ онъ быть снисходительнымъ къ людямъ и прощать. *Вѣжливость* сливается у него съ врожденною, естественною благосклонностью къ людямъ: «мнѣ кажется, — пишетъ онъ, — что самый совершенный чело-вѣкъ тотъ, кто прощаетъ, какъ будто самъ постоянно дѣлаетъ ошибки, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаетъ ошибокъ, какъ будто никогда не прощаетъ другимъ... Будемъ снисходительнѣе даже къ тѣмъ, кто умѣетъ прощать только себя... Чело-вѣкъ милосердный есть въ то же время великій чело-вѣкъ... Если ты дѣлаешь добро, скрой имя того, кому благодѣтельствуешь. Такъ лучше».

Въ письмѣ къ Патерну Плиній сообщаетъ, что позволилъ своимъ рабамъ подписывать завѣщанія, которыя онъ такъ же свято соблюдаетъ, какъ если бы они были законными. Онъ признается, что любить слугъ, какъ родныхъ, и смерть каждаго изъ нихъ огорчаетъ его, какъ потеря близкаго чело-вѣка. Эта *жалость къ рабамъ* — черта новая, которая, какъ мы видимъ, разви-лась самостоятельно и независимо отъ христіанства въ лучшей части языческаго Рима. Рабы такіе же люди, какъ мы, — эту мысль, противорѣчившую сущности древняго міросозерцанія, впервые высказали не только христіанскіе проповѣдники, но и благородные римскіе граждане вѣка Траяна, Адриана, Антониновъ.

Болѣзнь раба — настоящее семейное горе въ

патріархальномъ домѣ Плиніевъ. «Съ тѣмъ большей откровенностью могу признаться тебѣ, — пишетъ онъ Паулину, — въ состраданіи къ рабамъ, что я знаю, съ какимъ милосердіемъ ты самъ относишься къ своимъ людямъ. Я храню въ своей памяти этотъ стихъ Гомера: *«Былъ онъ, какъ нѣжный отецъ»*, а также и наше римское старинное выраженіе *«pater familias»*. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о людяхъ, которые, щеголяя безсердечнымъ отношеніемъ къ слугамъ, имѣютъ безстыдство называть себя *«философами»*. Плиній, между прочимъ, намекаетъ и на стойковъ, издѣвавшихся надъ жалостью простыхъ людей, хваставшихъ своимъ равнодушіемъ, *ataraxia*, — добродѣтелью, безмѣрно прославленной впоследствии Маркомъ Авреліемъ.

VI

Самоотреченіе, самоуничженіе, подавленіе личности — цѣной этихъ страшныхъ жертвъ религіозное настроеніе, охватившее тогда человѣчество, достигло тѣхъ же результатовъ, которыхъ лучшіе образованные люди древняго міра, подобные Плинію, достигаютъ легко и естественно, прислушиваясь къ внутреннему голосу своей человѣческой природы.

Плиній не стѣсняетъ, не урѣзываетъ своей личности унылымъ аскетизмомъ во имя отвлеченнаго нравственнаго идеала, напротивъ — онъ развиваетъ ее, даетъ ей полный просторъ и сливаетъ ея возвышенную духовную жизнь съ жизнью народа, съ жизнью человѣчества. Плиній уже *«гуманистъ»* въ томъ смыслѣ, какъ это слово будутъ понимать въ эпоху Возрожденія.

Однажды онъ приобрѣлъ маленькую драгоценную статую — «Сатира», изъ настоящей коринѣской бронзы великолѣпной античной работы. Какъ онъ радуется

этому сокровищу, какъ подробно описываетъ своимъ друзьямъ, стараясь, чтобы въ словахъ его запечатлѣлся точный образъ, каждый изгибъ, каждый мускуль бронзоваго тѣла! Онъ не сохраняетъ драгоцѣнности для себя и жертвуетъ бронзу, которую купилъ за огромныя деньги, на украшеніе храма Юпитера въ родномъ городѣ Комо, чтобы *все* могли видѣть прекрасное и наслаждаться. Онъ не боится красоты. Напротивъ, чувствуетъ, что, любя себя, онъ любитъ въ себѣ и все духовное, безкорыстное, все, что соединяетъ его съ другими людьми, составляетъ *humanitas* — свойство, которое онъ ставитъ выше всего въ просвѣщенныхъ людяхъ. Вотъ почему онъ не отрекается ни отъ одной истинно-человѣческой радости и благосклонная улыбка веселья и мудрости никогда не сходитъ съ его лица.

Онъ основываетъ школы и библіотеки на собственныхъ деньгахъ — «въ знакъ любви къ своему родному отечеству». Если знанія доставляютъ ему радость, онъ спѣшитъ раздѣлить ее съ другими людьми, и тогда она становится совершенною.

Эта врожденная способность извлекать радость изъ жизни особенно драгоцѣнна и удивительна.

У Плинія есть горькій опытъ міра и людей, грустное знаніе человѣческой низости. Недаромъ живетъ онъ въ Римѣ, который послужилъ темой для беспощадныхъ сатиръ Ювенала, недаромъ перенесъ кровавые ужасы домиціанова вѣка. Въ письмахъ его попадаются острия, ядовитыя стрѣлы эпиграммъ, въ свое время причинявшія не меньше боли и злости, чѣмъ львиные когти великаго сатирика. Онъ очерчиваетъ однимъ словомъ смѣшныхъ, подлыхъ или глупыхъ людей, какъ выбиваютъ человѣческой профиль на медаляхъ:

«Не они владѣютъ золотомъ, а золото ими владѣетъ».

«Свойственно многимъ идти на смерть въ слѣпомъ порывѣ страстей, но спокойно взвѣшивать жизнь и смерть, избирая ту или другую, согласно съ тѣмъ, какъ потребуеть разумъ, — принадлежитъ только великому духу».

«Nihil desperare, nulli rei fidere», т. е. «ни въ чемъ не отчаиваться, ни на что не надѣяться», — таковъ стоическій девизъ Плинія.

Онъ часто думаетъ о краткости человѣческой жизни, и эта мысль укрѣпляетъ его рѣшимость не медлить, не тратить времени даромъ, пользоваться каждымъ мгновениемъ для наслажденія, для добра и знанія. Краткость жизни увеличиваетъ ея цѣнность.

Въ этомъ міросозерцаніи все претворяется въ радость, все служитъ примиряющей мудрости. Эта способность такъ развита въ Плиніи, что и въ самыхъ мрачныхъ сторонахъ жизни, напр., въ болѣзни, онъ умѣетъ отыскивать прелесть: «недавно, — пишетъ онъ Максиму, — болѣзнь одного изъ друзей моихъ натолкнула меня на слѣдующую мысль: все мы очень добродѣтельны, пока больны. Видѣлъ ли ты когда-нибудь больного, одержимаго скупостью или похотью? Больной равнодушенъ къ любовнымъ наслажденіямъ, не жаждетъ почестей, пренебрегаетъ богатствами, доволенъ тѣмъ, что имѣетъ, зная, что придется, рано или поздно, все покинуть. Вѣрится въ боговъ, сознаетъ себя человекомъ. Никому не завидуетъ, не удивляется, никого не презираетъ. Злословіе не огорчаетъ и не радуется его. Онъ грезитъ только о прохладной водѣ и купаньяхъ: это — предметъ его надеждъ, предѣлъ его желаній. Если ему посчастливится выздороветь, онъ думаетъ только о томъ, чтобы отнынѣ вести праздную и тихую жизнь, т. е. самую счастливую и веселую».

Вотъ что дѣлаетъ Плинія болѣе близкимъ намъ,

чѣмъ суровыхъ и мрачныхъ представителей римскаго стоицизма. Къ ихъ мудрости примѣшивается что-то холодное, педантическое и отталкивающее. Въ характерѣ Плинія чувствуется не меньшая, чѣмъ у стоиковъ, выдержка, непоколебимость римской добродѣтели. Это вовсе не баловень судьбы, не сладострастный ученикъ Аристиппа. Не разъ видѣлъ онъ смерть лицомъ къ лицу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ у самаго очаровательнаго изъ скептиковъ — Монтаня, у Плинія есть любезность и мягкость — эта живая прелесть живого человѣческаго сердца. Онъ понимаетъ лучше, чѣмъ кто либо, строгую добродѣтель Катонъ, но это не мѣшаетъ ему любить и легкія, недолговѣчныя розы Марціала:

Quum regnat rosa, quum madent capilli,
Tunc me vel rigidi legant Catones.

VII

Жизнь Плинія — прекрасная и счастливая чело-
вѣчь. Все въ свое время. Онъ не жалѣетъ юности,
когда юность проходитъ; онъ призываетъ къ себѣ тихую
старость, съ надеждою, съ нетерпѣніемъ, какъ свободу,
какъ награду. «Мы должны отдать отечеству, — гово-
ритъ онъ, — первую и вторую часть нашей жизни; а
третью, послѣднюю, — себѣ... Когда же, наконецъ,
достигну я этой свободы! Когда же позволить мнѣ
старость подражать тебѣ, любезный Помпоній, твоему
сладостному уединенію. Когда же досугъ мой не бу-
детъ болѣе называться лѣнью, а спокойствіемъ!»

Плиній, одинъ изъ первыхъ, сумѣлъ выразить
новое чувство, которому суждено было имѣть въ ты-
сячѣ разнообразныхъ формъ такое безпредѣльное зна-
ченіе — *чувство природы*, красоту лѣсовъ, горъ, полей,

морского берега, наслаждение простотою сельской жизни; одинъ изъ первыхъ противопоставилъ шуму и суетѣ города тишину и уединеніе виллы, подмѣтилъ многозначительный «романтическій» контрастъ, о которомъ черезъ много вѣковъ должны были вспомнить Монтанъ и Ж. Ж. Руссо и передать его грядущимъ поколѣніямъ. Всматриваясь въ легкіе, изящно-условные ландшафты, набросанные греко-римскими художниками на стѣнахъ помпейскихъ домовъ, невольно приходишь къ заключенію, что современное наслажденіе природой уже въ тѣ времена зарождалось въ людяхъ и выступало въ художественномъ сознаніи. Къ сожалѣнію, это *глубокоарійское* чувство не успѣло окрѣпнуть и развиваться, застигнутое *семитическимъ* вторженіемъ, бесплоднымъ и жгучимъ вѣтромъ съ Востока. Любовь къ природѣ, которая въ иной, болѣе систематической и научной формѣ выразилась въ сочиненіяхъ Плинія Старшаго Натуралиста (родного дяди автора писемъ), была подавлена религіозно-аскетическимъ отвращеніемъ къ природѣ «блѣдныхъ людей въ черныхъ одеждахъ», видѣвшихъ въ *Vona Mater* только соблазнъ, только воплощеніе нечистыхъ силъ, созданіе дьявола. Природа застилается мракомъ, такъ же какъ богоподобная нагота человѣческаго тѣла скрывается подъ темной одеждой аскетовъ.

«Странное дѣло, — пишетъ Плинію Минуцію Фундану, — спроси о каждомъ днѣ, проведенномъ въ Римѣ, въ отдѣльности, и я дамъ тебѣ отчетъ; соедини нѣсколько дней или всѣ, и я не въ состояніи буду дать никакого отчета. Попробуй предложить кому-нибудь вопросъ: что ты сегодня дѣлалъ? — «Я былъ, — отвѣтитъ онъ тебѣ, — на семейной церемоніи принятія мужской тоги (*officio togae virilis*). Меня пригласили на обрученіе или свадьбу. Я присутствовалъ при со-

вершеніи формальностей по завѣщанію. Одинъ поручилъ мнѣ дѣло; другой просилъ у меня совѣта». Каждое изъ этихъ дѣлъ, въ то время, какъ ими заняться, кажется важнымъ; но когда вспомнишь, что такъ проходятъ всѣ дни, чувствуешь ихъ пустоту. Тогда говоришь себѣ: на какіе пустяки потратилъ я время! Вотъ что часто повторяю я въ моей лаурентинской виллѣ, гдѣ я читаю, пишу, предаюсь тѣлеснымъ упражненіямъ для того, чтобы бодрость тѣла способствовала дѣятельности ума. Я не слышу, я не говорю ничего, въ чемъ бы мнѣ потомъ приходилось раскаиваться. Никто при мнѣ не безславить чужого имени. Я осуждаю только себя, когда недоволенъ тѣмъ, что написалъ. Никакихъ желаній, никакого страха и суеты. Я бесѣдую лишь съ самимъ собою и своими книгами. О, простая, истинная жизнь! О, благословенная тишина! Не лучше ли, не плодотворнѣе ли этотъ отдыхъ, это спокойствіе, чѣмъ всякое дѣло! О, море, о, берегъ, о, сладкое и пустынное обиталище музъ! Сколько думъ вы во мнѣ пробуждаете, сколько вдохновеній! Бѣги, бѣги и ты, любезный Минуцій, отъ городского шума, отъ пустой и жалкой суеты! Забудь тщетныя дѣла свои! При первой возможности, предайся, какъ я, наукѣ и отдыху, вспоминая мудрое и шутливое слово нашего Аттилія: «*otiosum esse, quam nihil agere* — лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать пустяки».

Онъ отправляется на охоту, чтобы быть ближе къ природѣ, какъ передаетъ о томъ записочка къ Тациту:

«Ты будешь смѣяться, и на здоровье! Я — тотъ самый, котораго ты знаешь, поймалъ трехъ кабановъ, и притомъ огромныхъ. Какъ, неужели самъ? Ну да, самъ! Впрочемъ, мнѣ — признаться — не пришлось для

этого особенно измѣнять своей обычной лѣни и бездѣйствію. Я сидѣлъ у капкана: рядомъ были не охотничья рогатина или копые, а только невинный стилосъ и записная книжка. Мечталъ, писалъ, утѣшалъ себя надеждою вернуться домой, если съ пустыми руками, то съ полными восковыми табличками. Не пренебрегай такимъ способомъ писать. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени движеніе тѣла возбуждаетъ дѣятельность ума, не говоря уже о томъ, что тѣнь лѣсовъ, уединеніе, глубокая тишина, которой требуетъ охота, — все благопріятствуетъ вдохновенію. Вотъ почему, когда вздумаешь охотиться, бери корзину съ припасами и бутылку, но не забывай и восковыхъ табличекъ. Увидишь, что Минерва не менѣе, чѣмъ Діана, любитъ горы и лѣса».

Съ особенной ясностью чувство природы выражается во всѣхъ подробностяхъ великолѣпнаго устройства знаменитой виллы Плинія — Laurentinum, которую онъ описалъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ писемъ. За каждой мелочью утонченнаго и грандіознаго комфорта скрывается умѣніе наслаждаться природою, извлекать изъ прекрасной мѣстности все, что она можетъ дать:

«Моя вилла Лаурентинумъ отстоитъ только на 17 тысячъ шаговъ отъ Рима. Можно, окончивъ дѣла въ городѣ, отправиться туда, не нарушая ежедневнаго порядка жизни... Съ обѣихъ сторонъ дороги разнообразныя виды (*varia hinc atque inde facies*). То обступаютъ ее лѣса, то извивается она по широкимъ равнинамъ. Многочисленныя стада овецъ и быковъ, табуны коней пасутся, наслаждаясь сочными травами и вѣчной весной, даже въ то время, какъ зимніе холода уже свирѣпствуютъ въ горахъ.

«Вилла удобна, а содержаніе ея стоитъ небольшихъ

денегъ. Прежде всего — атриумъ, простой, но не лишенный изящества. За нимъ портикъ, дугообразный на подобіе буквы D, окружающій маленькій, прелестный дворъ, восхитительное убѣжище отъ непогоды, защищенное стеклянными рамами (*specularibus*) и крышею. Далѣе внутренній дворъ, свѣтлый и веселый. Оттуда можно пройти въ красивую столовую, которая вдается въ море, такъ что брызги волнъ достигаютъ подножія стѣнъ, когда дуетъ африканскій вѣтеръ; эта комната со всѣхъ сторонъ имѣетъ двустворчатыя двери и окна, такія же большія какъ двери; спереди, и справа, и слѣва открываются какъ бы три различныхъ моря. Сзади виднѣются въ перспективѣ — внутренній дворъ, портикъ, внѣшній дворъ, еще портикъ, атриумъ, и въ самой глубинѣ — лѣса и далекія горы...

«Уголъ, образуемый триклиніумомъ (столовой) и стѣною другой меньшей комнаты (*cubiculum*), собираетъ и сосредоточиваетъ въ себѣ чистѣйшее солнце (*angulus, qui purissimum solem continet et accendit*). Въ этомъ мѣстѣ слуги наслаждаются зимнимъ тепломъ, устроивъ гимназію для тѣлесныхъ упражненій; всѣ вѣтры здѣсь умолкаютъ, кромѣ тѣхъ, которые приносятъ тучи и застилаютъ солнце, но не мѣшаютъ оставаться на воздухѣ. Къ этому углу примыкаетъ круглая зала или ротонда, окна которой послѣдовательно принимаютъ лучи солнца во всякое время дня. Въ стѣну ротонды вдѣланъ глубокой шкафъ, который служитъ мнѣ библіотекою; въ немъ находятся не тѣ книги, которыя слѣдуетъ прочесть, а тѣ, которыя слѣдуетъ постоянно перечитывать (*non legendos libros, sed lectitandos*). Рядомъ спальныя комнаты, отдѣленныя отъ библіотеки корридормомъ, — съ трубами, идущими по стѣнамъ и распространяющими пріятное тепло. Остальная часть флигеля занята рабами и вольноотпущенниками, но

большая часть комнатъ содержится такъ чисто, что во всякое время онѣ готовы для приѣма гостей.

«Въ противоположномъ флигелѣ изящный кабинетъ; затѣмъ большая зала, которая вся такъ и сіяетъ отъ моря и солнца (*quae plurimo sole, plurimo mare lucet*). Еще нѣсколько комнатъ и, наконецъ, ванная. Здѣсь просторная холодная купальня и другъ противъ друга, по стѣнамъ, два бассейна — такихъ большихъ и глубокихъ, что въ нихъ можно плавать. Рядомъ уборная, теплая баня и комната для потѣнія... Ванны нагрѣтой воды устроены такъ чудесно, что, купаясь въ нихъ, видишь море...

«Нѣкоторыя комнаты помѣщаются въ высокихъ башняхъ нарочно для вида; среди нихъ одна пиршественная зала, окна которой открываются «на виллы, на далекое побережје, на безпредѣльное море».

«Не менѣе восхитителенъ садъ, окружающій виллу: аллея съ утоптанномъ твердымъ пескомъ, обсаженная вѣчно-зелеными пахучими буксами или розмариномъ. Среди фигъ и сливъ, которымъ благопріятствуютъ особенности почвы, возвышается сводчатая галлерей; съ обѣихъ сторонъ окна, — со стороны выходящей на море вдвое больше, чѣмъ въ садъ. Когда воздухъ ясенъ и неподвиженъ, всѣ окна открываются настежь; если же съ какой-нибудь стороны вѣтеръ, то — открываются съ противоположной, безвѣтренной. Передъ галлереей цвѣтникъ душистыхъ фіалокъ (*xystus violis odoratus*). Стѣны, отражая лучи солнца, собираютъ ихъ теплоту, и вмѣстѣ съ тѣмъ защищаютъ отъ аквилона.

«Въ концѣ галлерей и цвѣтника — павильонъ; это мой любимый уголокъ. Я построилъ его самъ. Здѣсь «настоящій солнечный очагъ» (*heliocaminus*), который съ одной стороны выходитъ на море, съ другой — на цвѣтникъ фіалокъ, и съ обѣихъ принимаетъ солнечные

лучи... По срединѣ той стороны павильона, которая обращена къ морю — маленькій кабинетъ; его можно, по желанію, соединять съ большою залою или отдѣлять посредствомъ стеклянныхъ рамъ и занавѣсокъ. Здѣсь, въ очаровательномъ уголкѣ, помѣщается ложе и два стула (*cathedrae*): у ногъ своихъ видишь море, за собою — виллы; впереди лѣса; три окна соединяютъ три различныхъ пейзажа, не смѣшивая ихъ... Въ этомъ павильонѣ мнѣ кажется, будто я очень далеко даже отъ моей собственной виллы; я люблю проводить въ немъ долгіе часы, особенно во время сатурналій, когда вся остальная часть дома наполняется криками веселья, дозволеннаго по обычаю праздничныхъ дней. Такимъ образомъ, ни я не мѣшаю удовольствіямъ моихъ слугъ, ни они не нарушаютъ моихъ занятій».

Это описаніе — одна изъ самыхъ характерныхъ и поразительныхъ страницъ римской древности. За каждой мелочью чувствуется здѣсь безконечная способность наслаждаться прелестью міра.

Любовь къ солнцу — вотъ что руководило строителемъ виллы. Солнце — источникъ красоты и радости; всюду видна забота не потерять ни одного луча: портики, дворы, двери, окна принимаютъ солнце, собираютъ его въ глубокихъ мраморныхъ залахъ, какъ воду въ цистернахъ.

Солнце и море окружаютъ виллу со всѣхъ сторонъ. Бѣлый мраморъ коллоннадъ на фонѣ легкой лазури небесъ и глубокой синевы Средиземнаго моря, запахъ фіалокъ въ безвѣтренномъ воздухѣ, любимыя книги, бесѣда съ друзьями, безмолвіе бібліотекъ, которое нарушается только отдаленнымъ плескомъ волнъ или жужжаніемъ пчелы, залетѣвшей въ открытое окно, — такова вилла, которая навсегда останется Элизіумомъ тѣхъ, кто любитъ мудрость, тишину и поэзію.

Образъ жизни въ такихъ виллахъ соотвѣтствуетъ ихъ величавому и простому комфорту. Въ одномъ письмѣ Плиніи изображаетъ сельскую жизнь стараго римскаго вельможи Спуринны, удалившагося на покой послѣ шумной дѣятельности:

«Я люблю, чтобы жизнь людей, въ особенности стариковъ, правильностью своей походила на неизмѣнное теченіе свѣтилъ небесныхъ... Утро Спуринна проводить въ постели. Ко второму часу обувается и дѣлаетъ пѣшкомъ прогулку въ три тысячи шаговъ. Умъ упражняетъ онъ не менѣе, чѣмъ тѣло. Если присутствуютъ друзья, ведетъ съ ними благороднѣйшія бесѣды; если же онъ одинъ, ему читаютъ, — и въ присутствіи друзей, когда всѣ желаютъ того. Немного отдыхаетъ, опять беретъ книгу или возобновляетъ разговоръ, болѣе увлекательный, чѣмъ книга. Потомъ садится въ колесницу съ женою, рѣдкою, очаровательной женщиной, или же съ кѣмъ-нибудь изъ друзей, какъ на примѣръ въ послѣдній разъ со мною. Какая тихая бесѣда, какое сладкое уединеніе! Сколько воспоминаній о древности! Сколько мудрыхъ изреченій! Какія дѣла, какіе люди воскресаютъ въ словахъ его! А между тѣмъ все это говорится съ такою скромностью, что и мысли не можетъ придти, что онъ поучаетъ. Проѣхавъ семь римскихъ миль, еще одну милю идетъ пѣшкомъ. Потомъ опять немного отдыхаетъ, или удаляется въ рабочій кабинетъ и пишетъ. Онъ искусенъ въ лирической поэзіи на обоихъ языкахъ — греческомъ и латинскомъ. Стихи его обладаютъ сладостью, гармоніей, весельемъ неподражаемымъ; ихъ красоту возвышаетъ добродѣтель поэта.

«Когда ему объявляютъ, что часъ купанья насталь, онъ раздѣвается и гуляетъ на солнцѣ нагой, если погода тихая».

И здѣсь — солнце, и здѣсь, какъ вездѣ, — любовь къ солнцу.

«Затѣмъ онъ играетъ въ мячъ долго и съ увлеченіемъ: это также одно изъ тѣлесныхъ упражненій, которыя помогаютъ ему бороться и преодолевать старость (*pugnat cum senectute*). Послѣ ванны ложится въ постель и, въ ожиданіи обѣда, слушаетъ чтеніе увеселительное и легкое. Въ это время друзьямъ предоставляется дѣлать то же самое или что-нибудь другое, смотря по желанію. Обѣденный столъ — не менѣе изящный, чѣмъ простой, съ массивнымъ стариннымъ серебромъ. Есть также и вазы коринтской бронзы, которымъ онъ радуется, но безъ чрезмѣрнаго пристрастия. Нерѣдко возлежащія за трапезой увеселяются комедіями, чтобы наслажденія сопровождались искусствомъ. Обѣдъ затягивается до ночного часа, даже въ лѣтнее время, и никто не жалуется, до такой степени очарователенъ разговоръ. Благодаря этому образу жизни, въ семьдесятъ семь лѣтъ сохранилъ онъ совершенно ясное зрѣніе, чуткій слухъ, сильное и здоровое тѣло; старость принесла ему только одно — мудрость.

«Къ такой жизни стремлюсь и я, уже заранѣе предвкушаю ее и начну съ радостью, какъ только годы позволятъ мнѣ удалиться отъ государственныхъ дѣлъ. Теперь же, когда меня изнуряютъ разнообразныя труды, примѣръ Спуринны поддерживаетъ и утѣшаетъ меня, потому что и онъ, пока того требовалъ долгъ гражданина, отдавался важнымъ заботамъ, занималъ должности, управлялъ провинціями и долгими трудами заслужилъ себѣ право отдыха. Я избираю такой же путь, такую же цѣль, и да будетъ это письмо мое къ тебѣ документомъ: если ты увидишь, что я затягиваю мою дѣловую жизнь долѣе положеннаго срока, — произнеси законный приговоръ и обреки меня

на покой, когда уже нельзя будет упрекнуть меня въ лѣности».

Этотъ почти восьмидесятилѣтній старикъ, грѣющей на солнцѣ свое обнаженное тѣло, свои еще крѣпкіе мускулы, играющій въ мячъ, побѣждающій старость, — кажется живымъ воплощеніемъ и символомъ античной жизни. Древніе — истинные *дѣти солнца*.

VIII

Дядя Плинія Младшаго былъ знаменитый Плиній Натуралистъ, посвятившій всю свою долгую жизнь огромнымъ работамъ по естественной исторіи. Повидимому, любовь къ природѣ была наслѣдственною въ этой талантливой семьѣ. Плиній Старшій погибъ замѣчательною смертью, величіе которой соотвѣтствовало всей его прекрасной жизни: онъ умеръ при изверженіи Везувія, засыпавшемъ Помпею, — при этомъ грандіозномъ и ужасающемъ явленіи любимой имъ природы, которую онъ наблюдалъ до самаго конца съ безстрашнымъ любопытствомъ. Плиній Младшій рассказываетъ о смерти своего дяди и о гибели Помпеи въ двухъ письмахъ къ Тациту. Здѣсь выражается уже не мирное наслажденіе мирною природою, а чувство еще болѣе новое, неожиданное въ древнемъ человѣкѣ, несмотря на то, что самъ рассказчикъ нисколько не скрываетъ испытаннаго имъ страха, — въ каждой строкѣ вдохновеннаго рассказа чувствуется безкорыстный эстетическій восторгъ, наслажденіе художника, равнодушнаго къ собственной гибели.

«Ты просишь меня — пишетъ Плиній Тациту — рассказать о кончинѣ моего дяди, чтобы ты могъ съ тѣмъ болшею точностью передать повѣствованіе объ этомъ событіи потомству... Съ готовностью исполняю

твою просьбу. Дядя былъ тогда въ Мизенѣ, — онъ управлялъ флотомъ. Въ девятый день передъ сентябрьскими календами, въ седьмой часъ дня, моя мать сообщила ему, что появилась туча необычайная и по размѣрамъ своимъ, и по виду. Посидѣвъ на солнцѣ и взявъ прохладительную ванну, онъ по обычаю возлежалъ, предаваясь научнымъ занятіямъ. Тотчасъ же потребовалъ онъ сандалии и взшелъ на высокое мѣсто, откуда могъ лучше наблюдать явленіе. Туча (на такомъ разстояніи нельзя было рѣшить, надъ какой именно горой, — потомъ узнали, что это былъ Везувій) поднималась въ воздухъ, имѣя образъ и подобіе дерева, скорѣе всего — итальянской пинны, потому что, возносясь къ небу, какъ исполинскій стволъ, она въ вершинѣ своей развѣтвлялась. Можетъ быть, сильный вѣтеръ, сначала поднявшій облако, теперь затихъ; а, можетъ быть, ослабѣвая и опускаясь отъ собственной тяжести распростиралось оно по небу. Туча казалась то бѣлой, то грязно-желтой и пятнистой, то пепельной, то земляного цвѣта.

«Дядя мой, въ качествѣ ученаго наблюдателя, нашелъ явленіе достойнымъ болѣе внимательнаго изслѣдованія. Онъ заказалъ либурнскій корабль и предложилъ мнѣ сопровождать его. Я отвѣтилъ, что предпочитаю заниматься. Выходя изъ дома, дядя получилъ записку Ректины, жены Цезія Басса, испуганной опасностью (вилла ея была расположена у подошвы Везувія и можно было спастись только моремъ); она просила оказать помощь. Тогда онъ измѣняетъ намѣреніе и дѣлаетъ во имя долга то, что прежде дѣлалъ во имя знанія. Велитъ приготовить квадриемы и садится, чтобы ѣхать на помощь не только къ Ректинѣ, но и ко многимъ другимъ жителямъ, поселившимся на этомъ очаровательномъ побережьи. Спѣшить туда, откуда

всѣ бѣгутъ; направляетъ свои корабли въ самое опасное мѣсто, до такой степени чуждый страха, что всѣ послѣдовательныя измѣненія, всѣ картины этого бѣдствія наблюдаетъ, отмѣчаетъ и диктуетъ свои замѣтки.

«Уже на корабли падалъ пепелъ болѣе горячій и густой по мѣрѣ того, какъ приближались къ Везувію; падали и цѣлыя глыбы, черные камни, обожженные, изъѣденные огнемъ; море внезапно обмелѣло и берегъ былъ загроможденъ изверженіями вулкана. Дядя одно мгновеніе колебался не вернуться ли, но сказалъ кормчему, который совѣтовалъ возвратиться: «храбрымъ помогаетъ судьба; правъ къ Помпонію!» Помпоній жилъ въ Стабіяхъ, на другой сторонѣ маленькаго залива, потому что здѣсь морской берегъ образуетъ едва замѣтные изгибы. Сюда Помпоній, въ виду опасности еще далекой, но постепенно приближавшейся, перенесъ свое имущество на корабли, и, готовый къ бѣгству, ожидалъ, чтобы затихъ противный вѣтеръ, для дяди моего оказавшійся самымъ благопріятнымъ. Онъ пріѣхалъ къ нему, обнялъ трепетнаго друга, утѣшилъ, уговорилъ, и для того, чтобы разсѣять страхъ своимъ спокойствіемъ, приказалъ отнести себя въ купальни; взялъ ванну, возлегъ за трапезу и былъ веселъ или, что не менѣе свидѣтельствуется о величїи духа, казался веселымъ.

«А между тѣмъ на Везувіи, въ различныхъ мѣстахъ, сіяли широкіе огни и огромныя зарева: темнота ночи еще усиливала блескъ. Дядя успокоивалъ всѣхъ и говорилъ, что горять виллы, покинутыя въ жертву огню испуганными поселянами. Потомъ легъ отдохнуть и, въ самомъ дѣлѣ, уснулъ настоящимъ сномъ, потому что сквозь двери слышалось дыханіе, тяжкое и звучное, вѣдствіе его дородности. А между тѣмъ дворъ начиналъ до такой степени наполняться пепломъ

и камнями, что, останься онъ дольше въ этомъ зданіи, ему было бы уже невозможно выйти. Его будятъ. Онъ выходитъ, присоединяется къ Помпонію и другимъ, которые бодрствовали. Они совѣщаются, остаться ли подъ кровлей или уйти въ открытое поле, такъ какъ зданія, потрясенныя частыми и сильными подземными ударами, колебались и, какъ будто сорванныя со своихъ основаній, то двигались по различнымъ направленіямъ, то опять возвращались на прежнія мѣста. Съ другой стороны подъ открытымъ небомъ грозило паденіе камней, хотя и легкихъ, изъѣденныхъ огнемъ. Изъ двухъ опасностей выбрали вторую. У дяди доводъ побѣжденъ доводомъ, у остальныхъ страхъ страхомъ. Они привязываютъ, посредствомъ холщевыхъ полосъ, подушки къ головамъ для защиты отъ падающихъ камней.

«Въ другихъ мѣстахъ разсвѣтало, а здѣсь попрежнему была ночь, чернѣе, гуще всѣхъ ночей, хотя и озаряемая, какъ бы отблескомъ факеловъ, многими и разнообразными огнями. Пошли на берегъ, чтобы посмотреть въблизи, не утихло ли море, но оно было такое же бурное и опасное для плаванія, какъ прежде. Дядя легъ на растянутый покровъ, два раза просилъ холодной воды и осушалъ кубокъ. Скоро огни и запахъ сѣры, предвѣщавшій пламя, заставили его встать, а всѣхъ остальныхъ обратили въ бѣгство. Онъ подымается, опираясь на двухъ молодыхъ рабовъ, и въ то же мгновеніе падаетъ мертвымъ. Я думаю, что густой дымъ остановилъ дыханіе и задушилъ его, потому что грудь его отъ природы была слаба и онъ часто страдалъ одышкой. Когда дневной свѣтъ опять появился (на третій день послѣ кончины дяди), тѣло его нашли цѣльнымъ, неповрежденнымъ, съ одеждой, оставшейся неприкосновенной, и видъ его былъ скорѣе спящаго, чѣмъ мертваго».

Еще болѣе замѣчательно второе письмо Плинія къ Тациту о томъ же изверженіи Везувія:

«Ты говоришь, что письмо, въ которомъ я разска- залъ о смерти моего дяди, внушило тебѣ желаніе узнать тревоги и опасности, которымъ и я подвергался, оставшись въ Мизенѣ, такъ какъ именно на этомъ на этомъ мѣстѣ я прервалъ мой разсказъ.

Хотя вспоминать мнѣ страшно,
Все же начну...

«По отъѣздѣ дяди, нѣкоторое время продолжалъ я занятія, для которыхъ остался. Потомъ взялъ ванну, пообѣдалъ и уснулъ ненадолго тревожнымъ сномъ. Нѣсколько дней чувствовалось землетрясеніе, довольно мало беспокоившее насъ, такъ какъ явленіе это — обычное въ Кампаніи. Въ ту ночь, однако, землетрясеніе усилилось: казалось, все не только двигается, но и разрушается. Мать бросилась ко мнѣ въ спальню. Я вставалъ, чтобы разбудить ее, если бы она оказа- лась спящей. Мы сѣли на дворѣ, который узкимъ пространствомъ отдѣлялъ домъ отъ моря. Не знаю, какъ назвать мой образъ дѣйствій — мужествомъ или неблагоразуміемъ, — мнѣ тогда было только восем- надцать лѣтъ, — но я велѣлъ принести книгу Тита Ливія и, какъ бы на досугѣ, принялся читать и даже дѣлать выписки. Другъ дяди, недавно пріѣхавшій изъ Испаніи, увидѣвъ меня и мать сидящими, меня читающимъ, упрекнулъ ее въ хладнокровіи, меня въ безпечности. Однако съ неменьшимъ усердіемъ продол- жалъ я чтеніе.

«Былъ первый часъ дня. Свѣтъ до тѣхъ поръ ка- зался тусклымъ и сумрачнымъ. Зданія вокругъ насъ сотрясались съ такою силою, что въ этомъ тѣсномъ, хотя и открытомъ, пространствѣ угрожали раздавить

насъ, если бы рухнули. За нами слѣдуютъ испуганные жители и, такъ какъ въ страхѣ люди думаютъ, что подчиняться чужой волѣ безопаснѣе, чѣмъ своей, то огромная толпа устремляется за нами, тѣснить и гонить насъ. При выходѣ изъ города мы останавли- ваемся, — видимъ много удивительнаго, много страш- наго. Взятая нами колесницы среди поля сами собою раскатываются въ разныя стороны и нельзя ихъ удер- жать, даже подкладывая камни подъ колеса. Кромѣ того, море какъ будто уходитъ, всасывается собствен- ной пучиной и отгоняется отъ берега землетрясеніемъ. Дно обнажается у берега и многія морскія животныя остаются на песчаной отмели. Съ другой стороны ужасающая черная туча, раздираемая огненными вих- рями, изрыгаетъ изъ зіяющихъ нѣдръ своихъ цѣлые потоки пламени, подобные громаднымъ молніямъ.

«Тогда другъ, о которомъ я упомянулъ, съ еще большею настойчивостью и силою убѣждаетъ насъ: если твой братъ, если твой дядя живъ, онъ хочетъ, чтобы вы спаслись. Если погибъ, то, конечно, хотѣлъ, чтобы вы пережили его. Зачѣмъ же медлите бѣжать?— Мы отвѣтили, что не можемъ думать о своей безопас- ности, пока не увѣримся въ спасеніи дяди. Тогда онъ устремляется прочь отъ насъ и убѣгаетъ. Скоро туча спустилась на землю и покрыла море. Она облекла Капрею. окутала Мизенскій мысъ, такъ что мы больше не могли ихъ различать. Мать умоляетъ, заклиняетъ, приказываетъ мнѣ бѣжать во что бы то ни стало, — го- ворить, что это легко при моей юности, тогда какъ ей самой, отягченной годами, отрадно умереть, только бы не сдѣлаться причиной моей смерти. Я возражаю, что лучше погибну, чѣмъ покину ее. Беру ее за руку и принуждаю ускорить шагъ. Она слушается съ неохотой и продол- жаетъ обвинять себя, что задерживаетъ мое бѣгство.

«Пепель уже падалъ, хотя еще рѣдкій. Оглянулся и вижу: густой дымъ ползеть за нами по землѣ, разстилаясь какъ потокъ, и приближается. Я говорю моей матери: «свернемъ въ сторону, пока видятъ глаза, для того чтобы насъ въ темнотѣ не раздавила бѣгущая за нами толпа». Только что мы остановились, какъ воцарилась тьма, — не такая, какъ въ туманныя или безлунныя ночи, а какъ въ комнатѣ безъ оконъ, когда потушили свѣтъ. Слышался вой женщинъ, плачь дѣтей, крики мужчинъ. Одни звали родителей, другіе дѣтей, третьи своихъ женъ, перекликались и старались узнать другъ друга по голосу. Одинъ скорбѣлъ за себя, другой за близкихъ. Иные молились о смерти, отъ страха смерти. Нѣкоторые простирали руки къ богамъ; многіе увѣряли, что больше нѣтъ боговъ, что теперь наступила вѣчная, послѣдняя ночь міра. Были и такіе, которые къ дѣйствительной опасности прибавляли еще мнимые ужасы. Возвѣщали, что такое-то зданіе въ Мизенѣ рушилось, такое-то объято пламенемъ, и этимъ ложнымъ слухамъ всѣ вѣрили.

«Блеснулъ слабый свѣтъ, который, однако, былъ предвѣстникомъ не свѣта дневного, а приближающагося огня. Онъ остановился вдали отъ насъ. Снова — мракъ. Снова — пепель, густой и горячій. Иногда мы подымались, чтобы стряхнуть его съ себя: иначе бы онъ засыпалъ и задушилъ насъ своей тяжестью. Я могъ бы похвастать, что ни одинъ малодушный крикъ, ни одна жалоба не вырвалась изъ устъ моихъ среди опасностей; но меня поддерживало горестное и все же великое утѣшеніе, что вмѣстѣ со мною погибаетъ весь родъ человѣческій, что это — конецъ міра.

«Наконецъ, черная тьма разсѣялась, какъ дымъ или облако. Скоро мы увидѣли день; блеснуло даже солнце. но мрачное, какимъ оно бываетъ во время

затменія. Нашимъ глазамъ, еще полнымъ ужаса, все представлялось измѣнившимся, все было покрыто пеленою глубокаго пепла, какъ снѣгомъ.

«Мы вернулись въ Мизенъ. Расположились въ домахъ, чтобы отдохнуть, какъ могли, и провели невѣрную, безпокойную ночь, между страхомъ и надеждой. Страхъ преобладалъ, потому что землетрясеніе продолжалось, и почти всѣ, напуганные предзнаменованіями, преувеличивали и свои, и чужія бѣдствія. Но и тогда, не смотря на всѣ эти уже испытанныя и ожидавшія насъ опасности, мы рѣшили не удаляться, пока не получимъ извѣстій о дядѣ.

«Ты прочтешь этотъ рассказъ, хотя, конечно, и не введешь его въ свою «Лѣтопись», такъ какъ онъ едва ли достоинъ такой чести; если же онъ покажется тебѣ незаслуживающимъ столь подробнаго изложенія въ письмѣ, обвиняя себя, такъ какъ ты самъ требовалъ отъ меня этихъ подробностей. Vale».

IX

Въ письмахъ Плинія есть еще одна черта драгоценная и любопытная для характеристики Траянова вѣка: это отношеніе автора къ христіанамъ.

Въ 111 году Плиній былъ посланъ Траяномъ въ качествѣ римскаго проконсула для управленія областями Виеніей и Понтомъ, т. е. всею сѣверною частью Малой Азіи.

«Эта провинція, — говоритъ Ренанъ (*Les Evangeliques*) — до тѣхъ поръ управлялась крайне небрежно проконсулами, смѣнявшимися ежегодно, сенаторами, выбиравшимися по жребію. Официальный римскій культъ приходилъ въ упадокъ, со всѣхъ сторонъ тѣснимый туземными религіями... Христіанская вѣра, поль-

зуюсь распущенностью чиновниковъ, которымъ было поручено сдерживать ее, распространялась на свободѣ, пускала все болѣе крѣпкіе корни».

Въ такомъ печальномъ для Рима положеніи засталъ дѣла провинціи Плиніи.

Какъ безупречный гражданинъ, какъ точный исполнитель императорской воли, онъ съ усердіемъ принялся возстановлять въ довѣренныхъ областяхъ римскій законъ и порядокъ. Но ему недоставало настоящей опытности: это былъ скорѣе любезный гуманистъ, чѣмъ администраторъ. По поводу каждой мелочи онъ пишетъ непосредственно императору, испрашивая у него совѣта. Эта переписка, къ счастью, сохранилась. Здѣсь мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, какъ боязливо, враждебно къ проявленіямъ умственной свободы, мелочно-придирчиво было такъ называемое просвѣщенное правленіе римскаго деспота, котораго вѣка не уставали прославлять. Траянъ запрещаетъ всякія, даже самыя безобидныя въ политическомъ отношеніи, «*heteria*», т. е. товарищескіе союзы, братства, артели съ невинными или полезными цѣлями, какъ, напр., пожарныя, или установленныя для празднованія мѣстныхъ и семейныхъ торжествъ. Плиніи (таковъ духъ времени) безпрекословно и безропотно исполнялъ суровую волю кесаря. Послѣднія независимыя проявленія народной жизни истребляются во имя безличнаго закона, во имя того, кого чиновникъ Плиніи съ официальной почтительностью называетъ «*tutela generis humani*».

Христіанскія церковныя общины должны были подвергнуться гоненіямъ при этой мелочной политикѣ, которой веюду мерещились призраки злонамѣренныхъ гетерій, которой даже общество въ 50 членовъ, учрежденное для охраны отъ пожаровъ, казалось

подозрительнымъ (см. *Plin. Epist. X, 33, 34*). Нѣсколько разъ Плинію пришлось встрѣчаться съ послѣдователями новой религіи. Доносы становились многочисленнѣе; произведено было нѣсколько арестовъ; слѣдуя юридическому обычаю того времени, проконсулъ приказалъ объявившихъ себя римскими гражданами отправить въ Римъ. Подвергъ допросу двухъ діаконовъ. Все, что ему удалось открыть, казалось настоящимъ ребячествомъ.

Эти осложненія особенно обострились въ городѣ Атизосѣ, на берегу Чернаго моря, осенью 112 года. По всей вѣроятности, послѣднія событія, которыя такъ сильно обезпокоили проконсула, произошли въ Амастрисѣ, городѣ, ставшемъ со второго вѣка средоточіемъ христіанства въ Понтѣ. Плиніи писалъ императору:

«Священнымъ долгомъ считаю обо всемъ, что возбуждаетъ мои сомнѣнія, извѣщать тебя, государь. Въ самомъ дѣлѣ, кто лучше твоего укрѣпить меня, наставить? Мнѣ никогда раньше не случалось присутствовать при судѣ надъ христіанами: вотъ почему я не знаю, какія дѣянія, въ какой мѣрѣ должно преслѣдовать и наказывать. Такъ, напр., неизвѣстно, слѣдуетъ ли принимать въ расчетъ въ этихъ дѣлахъ различіе возрастовъ, или съ дѣтьми поступать также, какъ съ взрослыми; должно ли прощать раскаявшихся, или же для того, кто былъ разъ въ жизни вполне христіаниномъ (*omnino christianus*), раскаяніе болѣе не должно имѣть никакого значенія; наказуется ли имя, помимо преступныхъ дѣйствій, или преступныя дѣйствія помимо имени. А пока вотъ по какимъ правиламъ поступалъ я съ тѣми, которыхъ приводили въ мое судилище, какъ христіанъ. Спрашивалъ ихъ самихъ: христіане ли вы? Если не сознавались, спрашивалъ во второй и въ третій разъ, угрожая пыткой.

Когда они упорствовали, я отдавалъ ихъ въ руки палачей, будучи увѣренъ, что — какова бы ни была сущность того, въ чемъ они сознались, — все же достойны наказанія ихъ упрямство, ихъ непослушаніе властямъ. Нѣкоторыхъ несчастныхъ, одержимыхъ тѣмъ же безуміемъ (*similis amentiae*), велѣлъ отослать въ Римъ, такъ какъ они были римскими гражданами.

«Скоро, во время самаго судебного разбирательства, обвиненія расширились и обнаружались болѣе разнообразныя формы преступныхъ дѣяній. Обнародованъ былъ доносъ безъ имени, содержащій имена многихъ лицъ, которыя, однако, отрицали, что они въ настоящее время — христіане, или даже были христіанами. Когда въ моемъ присутствіи они призвали боговъ и молились, сожигая еміамъ и выливая вино моему изображенію, которое я нарочно велѣлъ принести со статуями прочихъ боговъ, когда, кромѣ того, проклинали они Христа (къ чему — какъ я слышала — истинныхъ христіанъ никакими силами нельзя принудить), — я счелъ возможнымъ отпустить ихъ на волю. Другіе изъ названныхъ доносчиками сперва сознались, что они — христіане, потомъ отреклись, утверждая, что были христіанами нѣкогда; одни говорили — три года тому назадъ, другіе — больше, нѣкоторые даже двадцать лѣтъ; всѣ они поклонились моему изображенію и ликамъ прочихъ боговъ, всѣ они проклинали Христа.

«Впрочемъ, утверждали, что вина ихъ или ошибка заключалась въ слѣдующемъ: въ назначенный день собирались они до восхода солнечнаго; по очереди пѣли гимнъ Христу, какъ богу; клялись не совершать дурного, воздерживаться отъ воровства, убійства, прелюбодѣянія, отъ нарушенія обѣтовъ, отъ присвоенія довѣреннаго имущества; послѣ того расходились, чтобы собираться для общей трапезы, пристойной и невинной.

Но и отъ этого они, по словамъ ихъ, стали воздерживаться со времени моего эдикта, которымъ я, согласно твоей волѣ, воспретилъ всякія дружескія сообщества (*gentium*). Я счелъ необходимымъ, для разъясненія дѣла, подвергнуть пыткамъ двухъ служанокъ, называемыхъ у нихъ діакоониссами. *Но я не нашелъ у нихъ ничего, кромѣ печальнаго и безмѣрнаго суевѣрія (superstitionem pravam et immodicam)*. Вотъ почему я прекратилъ слѣдствіе, желая предварительно узнать твою волю. Дѣло, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ особаго вниманія въ виду многочисленности этихъ несчастныхъ. Цѣлыя толпы всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, обоихъ половъ, привлекаются къ суду и будутъ привлекаемы. Не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, и въ деревняхъ распространяется *зараза этого суевѣрія (superstitionis istius contagio)*. *Впрочемъ, думаю, что можно излечить и прекратить его.* По крайней мѣрѣ съ ясностью обнаружилось, что съ нѣкотораго времени снова стали посѣщаться почти покинутые храмы боговъ и жертвоприношенія, которыми давно пренебрегали, возобновляются; всюду продаются жертвенныя животныя, прежде не находившія покупателей, — изъ чего явствуетъ, какое множество несчастныхъ можетъ быть обращено на путь истины, если оказать милость раскаявшимся».

На это длинное посланіе Плинія императоръ Траянъ отвѣтилъ слѣдующей краткой запиской:

«Ты поступилъ, какъ должно, любезный Плиній, съ тѣми, которые подверглись обвиненію въ христіанскомъ суевѣріи. Въ подобныхъ дѣлахъ нельзя установить какого-нибудь общаго правила, которое имѣло бы вполне опредѣленную форму. Разыскивать ихъ не слѣдуетъ. Если призовутъ въ судилище и обвинять, должно наказывать; однако тѣхъ, кто будетъ отрицать

свою принадлежность къ христіанамъ и подтвердить свое отреченіе, поклонившись нашимъ богамъ, слѣдуетъ прощать и миловать, какъ бы ни были подозрительны ихъ прежнія дѣйствія. Впрочемъ, неподписанныхъ дозовъ ни въ какомъ случаѣ не принимать. Это было бы дурнымъ примѣромъ и *несвойственно духу нашего вѣка (nec nostri saeculi est)*».

Вотъ живая страница изъ лѣтописей первоначальнаго христіанства. Здѣсь скрывается страшный и незабвенный урокъ для тѣхъ, кто судитъ слишкомъ поверхностно и насмѣшливо о новыхъ стремленіяхъ, о новыхъ вѣрованіяхъ и запросахъ темныхъ народныхъ массъ.

Мы видѣли, что сердце Плинія обладаетъ даромъ безыскусственной доброты; мы видѣли его *чисто христіанское* милосердіе къ рабамъ, гладіаторамъ, вольноотпущенникамъ; всю свою жизнь онъ посвящалъ безкорыстной и просвѣщенной дѣятельности на пользу народа, основывалъ школы, бібліотеки, жертвовалъ въ храмы прекрасныя художественныя произведенія. И что же? Умный, добрый человѣкъ, котораго нельзя не полюбить, прочтя его письма, гуманистъ Траянова вѣка, — ничуть не задумываясь, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ благородное и разумное дѣло, посылаетъ на пытку двухъ, по всей вѣроятности, столь же добрыхъ и мужественныхъ, какъ онъ самъ, служанокъ-діакониссъ. Быть можетъ, изнывая въ мученіяхъ, онѣ смотрѣли въ лицо своему палачу съ ужасомъ, между тѣмъ какъ Плиній встрѣчалъ ихъ взоръ съ удивленіемъ и жалостью. Что могъ узнать другъ Тацита, римскій проконсулъ, изъ неяснаго бреда этихъ несчастныхъ? Онъ признается императору, что нашелъ въ ихъ словахъ только «печальное и безмѣрное суевѣріе».

X

Таковы письма Плинія, которыя даютъ намъ всего человѣка, какъ дневникъ, какъ жизнеописательный романъ, какъ исповѣдь. Мы видѣли его въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: и героемъ въ темную кровавую эпоху Домиціана, и суетнымъ стихотворцемъ въ римскихъ литературныхъ кружкахъ, и безстрашнымъ художникомъ-наблюдателемъ изверженія Везувія, и эпикурейцемъ въ бібліотекахъ Лаурентины, и суровымъ римскимъ проконсуломъ, безпощаднымъ истребителемъ «христіанскаго суевѣрія» въ судилищахъ Понта и Вивиніи, и просвѣтителемъ народа, основателемъ школъ и бібліотекъ въ уединеніи на берегахъ своего родного озера Комо.

Онъ обладаетъ рѣдкимъ геніемъ, этотъ уравновѣшенный, умный и добрый человѣкъ, — онъ *умѣетъ быть счастливымъ*. Въ душѣ его нѣтъ ничего тяжелаго, смутнаго и болѣзненнаго. Въ этихъ письмахъ слышится бодрое и свѣжее дыханіе радости, подобное дыханію моря.

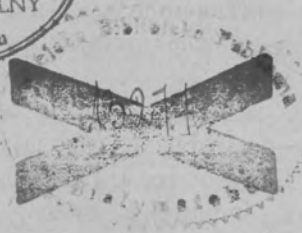
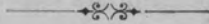
Но въ то же время въ нихъ есть и бессознательная грусть — не горькое разочарованіе, а тихая вечерняя грусть. Какъ будто Плиній, подобно многимъ людямъ его эпохи, сердцемъ чувствуетъ, что варварская ночь скоро покроетъ землю, что конецъ міра, *его* міра, прекраснаго и разумнаго, приближается.

Но странно — это чувство великаго конца не возбуждаетъ въ немъ ни ужаса, ни отчаянья. Въ письмахъ его разлита прелесть вечера, прелесть осени.

Унылая пора — очей очарованье...

Въ багрець и золото одѣтые лѣса...

Багрець и золото, пышныя краски увяданія, царственное великолѣпіе смерти облакаетъ литературу Траянова вѣка. Такъ, входя въ осенній лѣсъ, чувствуешь иногда въ прохладномъ живительномъ воздухѣ зловѣщій и нѣжный запахъ, аромать увядающихъ листьевъ. Отъ лучшихъ писемъ Плинія вѣтъ этимъ благоуханіемъ осени, — вотъ почему они навсегда останутся драгоценностью для рѣдкихъ и благородныхъ любителей увяданія — для тѣхъ, кто предпочитаетъ старость молодости, вечеръ — утру и неизмѣняющую осень — лживой веснѣ.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., Большой пр., д. 6

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Изданія 1906 и 1907 г. г.:

- 1) БЕРДЯЕВЪ, НИКОЛАЙ *Sub specie aeternitatis*. Опыты философскіе, социальныя и литературныя (1900—1906 г.). 2 р.
- 2) БОРОЗДИНЪ, А. К. (ред.). *Изъ писемъ и показаній декабристовъ*. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства. 1 р. 25 к.
- 3) БРИКНЕРЪ, А. Г. *Смерть Павла I*. Переводъ съ нѣм. М. Чепинской. Со статью В. И. Семевского. 1 р. 25 к.
- 4) БУРКГАРТЪ, ЯКОВЪ. *Культура Италіи въ эпоху Возрожденія*. Въ 2 томахъ. Переводъ С. Бриллианта съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Цѣна заоба тома 5 р. (№ 7 Истор. Отд.).
- 5) ВОЙТИНСКІЙ, ВЛ. *Рынокъ и цѣны*. Съ предисловіемъ М. И. Тузанъ-Барановскаго. 2 р.
- 6) ГАЛИНА, Г. *Предразсвѣтныя пѣсни*. 1 р.
- 7) ГИППУСЪ, З. Н. (Мережковская). *Алый мечъ*. Четвертая книга рассказовъ. 2 р.
- 8) „ *Новые люди*. Первая книга рассказовъ. 2-ое изданіе. 1 р. 50 к.
- 9) ЖАКОВЪ, К. Ѳ. *Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ*. 40 к.
- 10) КАРАБЧЕВСКІЙ, Н. П. *Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статс-секретаря ПЛЕВЕ, и рѣчь въ защиту Сазонова*. 2-ое изд., исправленное и дополненное судебнымъ приговоромъ. 25 к.
- 11) КЕННАНЪ, ДЖОРДЖЪ. *Сибирь!* Въ двухъ томахъ. Полный переводъ. Ц. каждому тому 75 к.
- 12) МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. *Вѣчные спутники*. 3-е изд. *Пушкинъ* 40 к. — *Ибсенъ* 30 к. — *Акрополь*, „*Дафнисъ и Хлоя*“, 40 к.
- 13) „ *Грядущій Хамъ*. 1 р.
- 14) „ *Пророкъ русской революціи*. 1 р. 25 к.
- 15) МЕТЕРЛИНКЪ, МОРИСЪ. *Сочиненія*. Въ трехъ томахъ, въ переводѣ Л. Вилькиной. Съ рисунками художника Н. К. Рѣриха. Томъ I. Съ предисловіями Н. Минскаго, З. Венгеровой и В. Розанова. Съ портретомъ, исполненнымъ гелиографіею. 2 р. — Томъ II. Переводъ Л. Вилькиной. Съ иллюстраціями Ш. Дудля, Минна и Н. Рѣриха. 2 р.
- 16) МОГИЛЯНСКІЙ, М. М. *Усталые*. Драма въ 3 д. 50 к.
- 17) „ *Первая Государственная Дума*. 1 р.

- 18) **МОГИЛЯНСКИЙ, П. М.** Интернаціональ. Очерки рабочаго движенія второй половины XIX в. 15 к.
- 19) **НИЦШЕ, ФР.** Антихристіанинъ. Опытъ критики христіанства. Переводъ *В. А. Флеровой*, подъ ред. *А. Я. Вфименко*. Спб. 1907 г. 75 к.
- 20) **ПОССЕ, К.** Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій. 2-ое исправл. и дополн. изданіе. Въ двухъ частяхъ. Ц. каждой части 2 р. 25 к.
- 21) **РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ.** Жизнь Иисуса. Переводъ *Е. В. Святловскаго* безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересм. и дополн. изд. Съ портретомъ Ренана, исполненнымъ гелиографвюрою. 1 р. 50 к. Отдѣльно портретъ Ренана 20 к. съ перес. 35 к.
- 22) **РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ.** Апостолы. Переводъ *Е. В. Святловскаго* безъ всякихъ сокращеній съ одиннадцатаго изданія. 1 р. 50 к.
- 23) " **Антихристъ.** Переводъ *Е. В. Святловскаго* безъ всякихъ сокращеній со второго изданія. 1 р. 50 к.
- 24) **РОЗАНОВЪ, В.** Легенда о Великомъ Инквизиторѣ. 3-е изданіе. 1 р. 50 к.
- 25) " **Около церковныхъ стѣнь.** Въ двухъ томахъ. Ц. каждому тому 2 р.
- 26) " **Ослабнувшій фетишъ.** Психологическія основы русской революціи. 20 к.
- 27) **РОЙТМАНЪ, ДМ.** Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Что должно составлять содержаніе элементовъ математики? (включая и высшую математику). 50 к.
- 28) **СВЯТЛОВСКИЙ, В. В.** Профессиональное движеніе въ Россіи. Спб. 1907 г. 1 р. 50 к.
- 29) **СЕРРЕ, (Ж.-А.).** Дополненіе къ „Теоріи круговыхъ функций“. 50 к.
- 30) **СОМОВЪ, И.,** академикъ Аналитическая геометрія. Изд. 4-ое, подъ ред. проф. П. Сомова. Спб. 1907 г. 2 р.
- 31) **ТЭНЪ, ИППОЛИТЪ.** Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Томъ I. Старый порядокъ. Переводъ Германа Лопатина. Спб. 1907 г. 2 р. 50 к.
- 32) **ТРАЧЕВСКИЙ, А. С.** Учебникъ новой исторіи (быль истребленъ цензурою до выхода въ свѣтъ). 1 р. 75 к.
- 33) **ЧЕРНЫШЕВЪ, В.** Школьникъ. Русская учебная хрестоматія. Для 3-го и 4-го годовъ обученія. Спб. 1907 г. 60 к.
- 34) **ШЕСТОВЪ, Л.** Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше (Философія и проповѣдь). Спб. 1907 г. 1 р.
- 35) **ШНИЦЛЕРЪ, А.** Диалоги: 1. Анатолий. — 2. Хороводъ. Переводъ съ нѣм. Изящное изданіе, съ рисункомъ на обложкѣ, исполненнымъ въ краскахъ. Спб. 1907 г. 1 р.
- 36) **ЩАПОВЪ, А. П.** Сочиненія. Въ трехъ томахъ. Томъ I, съ портретомъ Шапова, исполненнымъ фототипіей, 800 стр. 3 руб. — Томъ II, 2 р. 50 к. — Томъ III (печатается) (№ 20 Ист. Отд.).